

Тайна замка Чимниз

Автор:

Агата Кристи

Тайна замка Чимниз

Агата Кристи

Суперинтендант Баттл #1

Энтони Кейд вряд ли мог ожидать, что обычное поручение друга доставить рукопись по назначению швырнет его прямо в сердце международного заговора. Действительно ли так важны мемуары графа Стилптика? И кто скрывается под именем «короля Виктора»? Видимо, все это и впрямь очень важно – ибо за всей этой историей немедленно потянулся жуткий шлейф преступлений. Убийство, шантаж, украденные письма, пропажа знаменитого драгоценного камня, коварные замыслы тайной организации... Все ниточки ведут в Чимниз, один из старинных британских замков, где полицию ожидает ошеломляющая разгадка...

Агата Кристи

Тайна замка Чимниз

Agatha Christie

The Secret of Chimneys

Copyright © 1925 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

© Екимова Н. В., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Энтони Кейд дает согласие

– Джентльмен Джо!

– Ба, да это никак старина Джимми Макграт!..

«Избранные туры Касла», представленные в данный момент семью унылыми особами женского пола и тремя истекающими потом мужчинами, с явным интересом воззрились на встречу. По всей видимости, их мистер Кейд повстречал старого друга. Мистера Кейда обожали все – всех восхищала его стройная фигура, и загорелое лицо, и неподражаемая легкость, с которой он улаживал любые споры и приводил своих подопечных в хорошее расположение духа. А этот его друг... хм, он явно совсем другого склада. Почти такой же высокий, как мистер Кейд, но широкий в кости и совсем не красивый. Про таких, как он, обычно пишут в книжках, что они всегда держат салуны или что-то в этом роде. Но все равно любопытно. Да и потом, разве не для того люди ездят за границу, чтобы своими глазами увидеть все те чудные вещи, о которых читали в книгах? А ведь до сих пор здесь, в Булавайо, было довольно скучно. Солнце жарило немилосердно, отель был плохой, да и пойти особенно некуда, только сиди и жди, когда настанет пора ехать в Матоппо. Счастье еще, что мистер Кейд предложил открытки с видами. Уж чего-чего, а открыток с видами здесь хватает.

Энтони Кейд и его друг отошли в сторону.

– Какого черта ты здесь делаешь, с этим бабьем? – спросил Макграт. – Гарем решил завести, что ли?

– Ну не с этими же, – ухмыльнулся Энтони. – Ты хоть разглядел их как следует?

– Да я-то разглядел. Думал, может, это ты ослеп, или еще что...

– С глазами у меня в порядке, и со всем остальным тоже. Просто это – «Избранные туры Касла». А я – сам Касл. Точнее, его здешнее воплощение.

– И что же тебя заставило пойти на такую работенку?

– Прискорбная нехватка наличности. Уж поверь мне, персональная склонность тут ни при чем.

Теперь ухмыльнулся Джимми.

– Пусть лошадь работает – так, кажется, ты любил говорить раньше?

Но Энтони проигнорировал это клеветническое утверждение.

– Ничего, что-нибудь подвернется, рано или поздно, – ответил он с энтузиазмом. – Что-нибудь всегда подворачивается.

Джимми хмыкнул.

– Если где-нибудь что-нибудь затевается, Энтони Кейд рано или поздно окажется в самой гуще, уж это я знаю наверняка, – сказал он. – Твоему чутью на скандалы любая ищейка позавидует; к тому же ты живуч как кошка. Так когда мы сможем поболтать?

Энтони вздохнул.

– Мне еще надо свезти этот курятник к могиле Родса[1 - Сесиль Джон Родс (1853–1902) – английский и южноафриканский политический деятель, бизнесмен, строитель собственной всемирной империи, инициатор английской колониальной экспансии в Южной Африке.].

– Вот это правильно, – одобрил Джимми. – Они вернутся все в синяках и шишках после ухабистой дороги и сразу запросятся баиньки. А мы с тобой засядем где-нибудь в укромном уголке и обменяемся новостями.

– Точно. Ну, пока, Джимми.

И Энтони вернулся к своей пастве. На него немедленно набросилась мисс Тейлор, самая юная и потому самая кокетливая в группе.

– О, мистер Кейд, это был ваш старый друг?

– Да, мисс Тейлор. Приятель моей безгрешной молодости.

Мисс Тейлор хихикнула.

– Он показался мне таким интересным мужчиной...

– Я ему скажу.

– Ах, мистер Кейд, противный! Это же надо придумать! А как он вас назвал?

– Джентльмен Джо?

– Вот именно. Так вас зовут Джо?

– Я думал, вы знаете, что мое имя Энтони, мисс Тейлор.

– Ах, мистер Кейд, да ну вас! – кокетливо воскликнула мисс Тейлор.

Энтони хорошо усвоил свои обязанности в качестве гида. Ему полагалось не только решать все организационные вопросы, связанные с путешествием,

но также поглаживать по шерстке раздражительных старых джентльменов, когда те считали, что их достоинству нанесен урон, следить за тем, чтобы почтенные матроны имели возможность приобрести столько открыток с живописными видами, сколько их душе угодно, и, наконец, флиртовать с любой особой, чей возраст еще не перевалил за почтенные сорок лет. Последнее было для него совсем несложно, поскольку сии юные особы и сами с готовностью отыскивали проявления симпатии в любой, даже самой безобидной его фразе.

Мисс Тейлор снова перешла в нападение.

– Тогда почему он называл вас Джо?

– Наверное, потому, что я не Джо.

– А почему Джентльмен Джо?

– По той же причине.

– О, мистер Кейд, – воспротивилась мисс Тейлор, явно расстроенная, – у вас нет ровным счетом никаких причин так говорить о себе. Только вчера вечером папа сказал, что у вас манеры истинного джентльмена.

– Очень любезно со стороны вашего батюшки, мисс Тейлор.

– И мы все считаем, что вы – настоящий джентльмен.

– Я польщен.

– Нет, я серьезно.

– Добрые сердца важнее корон, – рассеянно заметил Энтони, сам не зная, к чему он это говорит, и всей душой жажда, чтобы как можно скорее наступило время обеда.

– Ой, это такое красивое стихотворение, я всегда его любила. А вы знаете много стихов, мистер Кейд?

– «На пылающей палубе мальчик стоял» расскажу, хоть ночью разбудите.
«На пылающей палубе мальчик стоял, когда все остальные бежали...» Правда, больше я ничего не помню, зато могу рассказать в лицах. «На пылающей палубе мальчик стоял» – вушшш, вушшш, вушшш, – это пламя, «когда остальные бежали» – тут я обычно бегаю взад и вперед, как пес, потерявший след.

Мисс Тейлор визгливо расхохоталась.

– Ой, вы только посмотрите на мистера Кейда! Ну разве он не прелесть?

– Время утреннего чая, – оборвал ее Энтони. – Идемте. На соседней улице есть отличное кафе.

– Я надеюсь, – осведомилась своим глубоким контральто миссис Колдикотт, – что это входит в стоимость тура?

– Утренний чай, миссис Колдикотт, – ответил ей Энтони в самой своей профессиональной манере, – оплачивается отдельно.

– Безобразие.

– Жизнь полна испытаний, не так ли? – жизнерадостно заметил Кейд.

Глаза миссис Колдикотт сверкнули, и она злорадно парировала:

– Я предвидела нечто в этом роде и потому за завтраком отлила себе немного чаю в кувшинчик! А сейчас я разогрею его на спиртовке. Идем, отец.

И супружеская чета Колдикоттов с триумфом двинулась обратно в отель, причем дама даже спиной выражала торжество по поводу своей прозорливости.

– Бог ты мой, – буркнул Энтони, – и каких только людей не встретишь в этом лучшем из миров...

И он, словно пастух стадо, погнал плотную кучку своих обожателей в направлении упомянутого кафе. Мисс Тейлор, семена с ним рядом,

возобновила допрос:

– И долго вы не встречались с этим вашим другом?

– Лет семь.

– А вы познакомились в Африке?

– Да, но не в этих местах. Когда я впервые увидел Джимми Макграта, он был связан по рукам и ногам – его собирались нанизать на вертел, словно куренка. Вы, наверное, знаете, что во внутренней Африке еще остались племена каннибалов. Мы поспели как раз вовремя.

– И что произошло?

– Хорошая маленькая стычка. Кое-кого из ублюдков пришлось прикончить, остальные сделали ноги.

– Ах, мистер Кейд, в вашей жизни было столько приключений!

– В остальном вполне мирных, уверяю вас.

Но было ясно, что леди ему не верит.

Было уже около десяти вечера, когда Энтони Кейд вошел в небольшую комнату, где уже манипулировал разнокалиберными бутылками Джимми Макграт.

– Мне покрепче, Джеймс, – попросил он. – Видит бог, я в этом нуждаюсь.

– Не сомневаюсь, приятель. На работенку вроде твоей я бы не согласился ни за какие деньги.

– Если у тебя есть другая на примете, только намекни, и я свою тут же брошу.

Макграт сделал коктейль, опытной рукой опрокинул его себе в горло и тут же смешал второй. Потом неспешно спросил:

– Это ты серьезно, сынок?

– В смысле?

– В смысле, ты действительно готов бросить свою работу, как только найдешь другую?

– А что? Или ты хочешь сказать, что у тебя предложений пруд пруди, выбирай, какое хочешь? Тогда почему ты сам тут сидишь?

– Да я уже выбрал, только работенка мне не больно-то по нраву, вот я и хочу сплавить ее тебе.

Энтони наострил уши.

– А что с нею не так? Ты что, учителем в воскресную школу нанялся, что ли?

– Думаешь, на свете найдется такой дурак, который предложит мне что-нибудь подобное?

– Ну, среди тех, кто тебя знает, – вряд ли.

– Работенка что надо – ничего зазорного.

– А она, часом, не в Южной Америке? А то меня в последнее время туда что-то тянет. В одной из тамошних банановых республик скоро произойдет тихая маленькая революция...

Макграт ухмыльнулся.

– Революции – это по твоей части. Тебя ведь хлебом не корми, дай только влезть в какой-нибудь скандал.

– Мне отчего-то кажется, что там мои таланты смогут оценить по достоинству. Ни одной стороне, так другой я наверняка придусь ко двору. Все лучше, чем честным трудом зарабатывать себе на жизнь.

– Кажется, я уже слышал от тебя нечто подобное, сынок. Но нет, моя работенка не в Южной Америке – она в Англии.

– В Англии? Возвращение героя на родину после многолетнего отсутствия. Как, по-твоему, Джим, через семь лет меня могут посадить за долги?

– Вряд ли. Ну так что, ты будешь слушать дальше?

– Слушать-то я буду. Только мне непонятно, отчего ты сам за это дело не возьмешься.

– Сейчас расскажу. Я собрался за золотом, Энтони, – далеко, в самую глубь Африки.

Энтони присвистнул и посмотрел на него внимательно.

– Сколько я тебя знаю, Джимми, ты всегда охотишься за золотом. Оно – твоя слабость, твой пунктик. Я не знаю другого человека, который в погоне за желтым металлом излазил бы столько же козьих троп, сколько ты.

– И рано или поздно я его найду. Вот увидишь.

– Что ж, каждому свое. Мне скандалы, тебе золото.

– Тебе я расскажу все, без утайки. Про Герцословакию когда-нибудь слышал?

Энтони бросил на него осторожный взгляд.

– Герцословакию? – повторил он странно изменившимся голосом.

– Да. Так слышал или нет?

Энтони ответил после ощутимой паузы. Он медленно сказал:

– То же, что и все. Государство на Балканах, верно? Главные реки неизвестны. Главные горы также неизвестны, хотя их хватает. Столица: Экарешт. Население: в основном разбойники. Любимое местное развлечение: убивать королей и устраивать революции. Последний король, Николай Четвертый, был убит лет семь тому назад. С тех пор у них республика. В общем, местечко еще то. Мог бы и намекнуть, что Герцословакия имеет отношение к твоему делу.

– А она и не имеет, разве что косвенно.

Энтони воззрился на него скорее с грустью, нежели с гневом.

– С этим надо что-то делать, Джеймс, – сказал он. – Пройти какие-нибудь заочные курсы или еще что-нибудь в этом роде. Расскажи ты такую историю в старые добрые дни где-нибудь на Востоке, тебя подвесили бы головой вниз и хлестали бы палками по пяткам до тех пор, пока ты не испустил бы дух, а то и еще что-нибудь похуже сотворили.

Но Джимми, нимало не убоившись подобных строгостей, продолжал следовать своим курсом.

– Слышал когда-нибудь о графе Стилптиче?

– Спрашиваешь, – отвечал Энтони. – Многие люди, и слыхом не слыхавшие о Герцословакии, загораются при одном упоминании о графе Стилптиче. Балканский Старик. Для одних – величайший политик современности. Для других – величайший неповешенный мошенник. Точка зрения зависит от направления, которого придерживается газета. Но в одном можно не сомневаться: графа Стилптича будут помнить еще долго после того, как мы с тобой обратимся в прах, Джеймс. Последние двадцать лет на Ближнем Востоке никто и пальцем не смеет пошевелить без ведома графа Стилптича. Он и диктатор, и патриот, и государственный деятель, и уж не знаю кто еще... одним словом, он – король интриг. Ну и к чему ты о нем вспомнил?

– Он был премьер-министром Герцословакии – вот почему я о ней заговорил.

– У тебя нет чувства соразмерности, Джимми. Ну что значит какая-то Герцословакия рядом со Стилптичем? Не более чем место, где родился гений и где началась его политическая карьера. Но он, кажется, умер?

– Верно. В Париже, пару месяцев назад. А я рассказываю тебе о том, что случилось давно, еще за несколько лет до этого.

– Проблема в том, – сказал Энтони, – чтобы понять, что именно ты мне рассказываешь.

На этот раз Джеймс принял упрек близко к сердцу и поспешил исправиться.

– Дело было так. Я обрелся в Париже – года четыре тому назад, что ли, точнее не припомню. Иду я как-то поздно вечером по улице, народу кругом никого, вдруг вижу – с полдюжины крепких французских парней бьют приличного с виду пожилого джентльмена. Ну, поскольку я терпеть не могу потасовок, исход которых определен заранее, то я быстренько вмешался и навешал французам. Они растаяли, как снег под весенним солнцем! Наверное, раньше их никто по-настоящему не бил.

– Молодчина, Джеймс, – мягко заметил Энтони. – Жалко, меня там не было, я бы с удовольствием посмотрел.

– Да нечем там было особенно любоваться, – скромно ответил Джеймс. – Старик, правда, обрадовался сильно. Он явно пропустил до того пару стаканчиков, но был не настолько пьян, чтобы не записать мое имя и адрес, а на следующий день приехал сам и поблагодарил меня еще раз. Да так стильно, знаешь ли... Тут-то я и узнал, что выручил самого графа Стилптича. Он жил тогда возле Буа.

Энтони кивнул.

– Верно, Стилптич перебрался в Париж после убийства короля Николая. Позже его звали назад, предлагали ему президентское кресло, но он не клюнул. Остался верен своим монархическим принципам, хотя, как говорят, ни одна афера на Балканах не обходилась без его участия. Хитрый он был лис, этот покойный граф Стилптич.

– А Николай Четвертый был, кажется, из тех, кто неосмотрительно выбирает себе жен, так? – спросил вдруг Джеймс.

– Да, – отвечал Энтони. – Но он рассчитался за свой выбор сполна, бедняга. Она была певичкой заштатного парижского мюзик-холла, непригодной даже для морганатического брака. Но Николай страшно в нее втрескался, а ей, конечно, тут же приспичило стать королевой. Хочешь – верь, хочешь – не верь, но они это дельце обтяпали. Объявили ее графиней Пополефски, да еще сочинили ей родство с Романовыми. Николай обвенчался с ней в главном соборе Экарешта, в присутствии двух архиепископов, которые как ни противились, а все же вынуждены были короновать ее как королеву Варагу. Николай натянул нос всем своим министрам и думал, что этого хватит, но он забыл про народ. А между тем в Герцословакии полно реакционной аристократии. И эти люди любят, чтобы короли у них были не липовые, а самые что ни на есть настоящие. Пошли разговоры, люди начали выражать недовольство, ответом на него стали репрессии, и вот тогда случилось восстание, во время которого народ ворвался во дворец, убил короля и королеву, и в стране была объявлена республика. Там и сейчас республика, но, как я слышал, жизнь продолжает бить ключом. Заботами наемных убийц уже отправилась на тот свет парочка президентов. Однако вернемся к делу. Ты остановился на том, как граф Стилптич чествовал тебя как своего спасителя.

– Ага. Вообще-то на этом все и кончилось. Я вернулся в Африку и думать о нем забыл до тех пор, пока пару недель назад не получил по почте чудной такой пакет, который, как оказалось, гонялся за мной по всему континенту уже бог знает сколько. Тогда я уже знал, что граф Стилптич умер – прочитал в газете. Так вот, в пакете оказались его мемуары – или воспоминания, или как там еще их назвать. А еще записка, в которой сказано, что если я доставлю этот пакет в одну издательскую фирму в Лондоне в срок до тринадцатого октября включительно, то получу тысячу фунтов.

– Тысячу фунтов? Я не ослышался, ты сказал, тысячу фунтов, Джимми?

– Именно так, сынок. И от души надеюсь, что это не розыгрыш. Как говорят умные люди, не верь политикам и принцам. Так вот. Из-за того, что пакет долго ходил за мной по пятам, времени на размышление у меня не осталось. И очень жаль. Тут как раз наклеывается экспедиция в Центральную Африку, и мне очень не хочется от нее отказываться. Второго такого шанса не будет.

– Ты не исправим, Джимми. Лучше верная тысяча фунтов в руках, чем груды какого-то мифического золота.

– А если это розыгрыш?.. Короче, вот он я, сижу здесь и жду парохода в Кейптаун – и вдруг ты!

Энтони встал и закурил сигарету.

– Кажется, я начинаю понимать, к чему ты клонишь, Джеймс. Ты отправляешься на охоту за золотом, как и запланировал, а я беру пакет и еду добывать твою тысячу. И сколько я получу за хлопоты?

– Что скажешь насчет четверти?

– То есть двести пятьдесят фунтов стерлингов, не облагаемых, как говорится, налогами?

– Именно.

– По рукам. Только смотри, не начни скрежетать зубами, если я скажу, что готов был согласиться за сотню! Знаешь, Джеймс Макграт, ты не умрешь богачом, подсчитывая перед смертью свои банковские активы.

– Короче, договорились?

– Договорились. Я в деле. И пусть «Избранные туры Касла» катятся ко всем чертям.

И они торжественно выпили за это.

Глава 2

Дама в беде

– Значит, так, – сказал Энтони, допив свой стакан и поставив его на стол. – На каком пароходе ты едешь?

– «Гранарт Касл».

– Билет, надо полагать, оформлен на твое имя, так что лучше мне в дороге назваться Джеймсом Макгратом. Мы ведь уже переросли всю эту историю с паспортами, не так ли?

– А как иначе? Мы с тобой совсем не похожи, хотя на какой-нибудь из этих мигающих штук нас наверняка опишут одинаково. Рост шесть футов, волосы русые, глаза голубые, нос обычный, подбородок обычный...

– Не нажимай уж так-то на «обычный». Позволю себе заметить, что компания Касла выбрала меня из нескольких претендентов исключительно на основании моей приятной наружности и хороших манер.

Джимми усмехнулся.

– То-то я и видел твои манеры сегодня утром...

– Ни черта ты не видел.

Энтони встал и прошелся по комнате. Небольшая морщинка залегла поперек его лба, и прошло несколько минут, прежде чем он снова заговорил.

– Джимми, – сказал он наконец, – Стилптич умер в Париже. Какой смысл посылать рукопись из Парижа в Лондон через Африку?

Джимми беспомощно покачал головой.

– Не знаю.

– Почему не упаковать ее в аккуратный маленький пакет и не послать по почте прямым путем в Лондон?

– Звучит чертовски разумно, согласен.

– Конечно, я понимаю, – продолжал Энтони, – что королям, королевам и правительственным чиновникам этикет запрещает делать что-либо просто и понятно, по-людски. Отсюда все эти королевские посылные и прочее. В Средние века этим парням даже давали королевские перстни с печаткой, типа с надписью «Сим-сим, откройся!». «Кольцо короля! Посторонитесь, милорд!» И, конечно, какой-нибудь другой ушлый малый обязательно крал потом у него этот перстень. До сих пор не могу понять, почему ни один проныра не додумался их копировать – наделал бы дюжину-другую этих перстней, да и продавал по сотне дукатов за штуку... Похоже, в Средние века не знали, что такое инициатива.

Джимми зевнул.

– Мои замечания на тему средневековой истории тебя, похоже, не забавляют. Что ж, вернемся к графу Стилптичу. Из Франции в Англию через Африку – перебор даже для такого старого лиса, как он. А если он просто хотел, чтобы ты получил от него тысячу фунтов, то почему не оставил их тебе по завещанию? Видит бог, ни ты, ни я не настолько горды, чтобы отказываться от наследства! Наверное, у Стилптича просто ум за разум зашел.

– Ага, вот и я так подумал.

Энтони опять нахмурился и продолжал свою прогулку.

– А ты ее читал? – спросил он внезапно.

– Кого – ее?

– Рукопись.

– Бог ты мой, да нет, конечно. На что, по-твоему, она мне сдалась?

Энтони улыбнулся.

– Да так, просто мысль одна пришла. Знаешь, мемуары ведь наделали немало бед в истории. Нескромные откровения и все такое прочее... Бывает, человек

всю жизнь молчит, как устрица, рта лишний раз не откроет, а в мемуарах такого понараскажет! Лежит потом спокойно себе в могилке, полеживает, а другие наверху за него отдуваются – прямо мания какая-то причинять неприятности после смерти! Наверное, пишет такой молчун свои мемуары и радуется, представляя, как другие будут мучиться... Кстати, Джимми, что за человек был это граф Стилптич? Ты видел его, говорил с ним, твоему суждению о человеческой натуре вполне можно доверять. Как по-твоему, был он злопамятным вредным старикашкой?

Джимми покачал головой.

– Трудно сказать. Понимаешь, в тот первый вечер он здорово перебрал накануне, а на следующий день, когда пришел меня благодарить, оказался светским типом с блестящими манерами, и так сыпал комплиментами, что я не знал, куда глаза девать.

– А когда он был пьян, ничего интересненького не сболтнул?

Джимми нахмурил брови, вспоминая.

– Говорил, что знает, где «Кохинур»[2 - «Кохинур» – алмаз и бриллиант в 105 карат, часть сокровищницы британской короны, один из наиболее знаменитых алмазов в истории.], – наконец произнес он с сомнением.

– Ну да, – сказал Энтони, – это все знают. Лежит себе в Тауэре, правда? За толстым стеклом и железными решетками, а вокруг него джентльмены в маскарадных костюмах зорко следят, чтобы никто ничего не стибрил.

– Вот именно, – согласился Джимми.

– А больше ничего в таком роде Стилптич не говорил? Например, что он знает, в каком городе хранится коллекция Уоллеса[3 - Коллекция (собрание) Уоллеса – исключительный по подбору и качеству предметов частный художественный музей в лондонском квартале Марилебон; представляет собой одно из лучших в мире собраний французского искусства XVIII века (картины, фарфор, антиквариат).]??

Джимми покачал головой.

– Хм! – сказал Энтони. Он закурил новую сигарету и продолжал расхаживать по комнате. Затем вдруг спросил: – Полагаю, ты не читаешь газет, дикарь?

– Не часто, – просто ответил Джимми. – В них обычно не пишут о том, что меня интересует.

– Хорошо, что я человек цивилизованный. В последнее время в прессе мелькают упоминания о Герцословакии. Напекают на реставрацию монархии.

– Николай Четвертый не оставил наследника, – отозвался Джимми. – Хотя это, разумеется, не значит, что вся династия Оболовичей приказала долго жить. Наверняка осталось полно молодых кузенов, двоюродных, троюродных и даже четвероюродных.

– Так что за выбором нового короля дело не станет?

– Вот уж нет, – отвечал Джимми. – Знаешь, а я не удивлен тем, что они так быстро устали от республики. В конце концов, полнокровному, энергичному народу, привыкшему к королям, не может не показаться скучной вся эта возня с выборами. Да, кстати, о королях – я вспомнил еще кое-что, о чем Стилптич болтал в тот вечер. Он тогда сказал, что знает, какие бандиты на него напали. Люди короля Виктора.

– Что? – Энтони резко повернулся.

Ухмылка на лице Макграта стала шире.

– Стало чуток интереснее, а, Джентльмен Джо? – протянул он.

– Не будь ослом, Джимми. Ты только что сказал нечто очень важное.

Он подошел к окну и стал смотреть на улицу.

– А кто такой этот король Виктор? – поинтересовался Джимми. – Тоже балканский монарх?

– Нет, – медленно ответил Кейд. – Это совсем другой король.

– Какой же?

Возникла пауза, потом Энтони заговорил:

– Он мошенник, Джимми. Самый знаменитый вор в мире, специалист по драгоценностям. Фантастически храбрый парень, ни перед чем не останавливается. Кличку Король Виктор он получил в Париже. Там была штаб-квартира его банды. Полиция добралась до него и упекла на семь лет за решетку по какому-то мелкому обвинению. Ничего более серьезного доказать не смогли. Его срок кончается – а может, и уже подошел к концу.

– Думаешь, граф Стилптич мог иметь отношение к его аресту? Поэтому его банда за ним и гонялась? Чтобы отомстить?

– Не знаю, – сказал Энтони. – На первый взгляд, маловероятно. Насколько я знаю, Король Виктор не крал драгоценностей короны Герцословакии. Однако все это наводит на размышления, правда? Смерть Стилптича, мемуары, слухи в газетах – все туманно, но любопытно. Есть и еще один слух – о нефти, якобы найденной в Герцословакии. Нутром чую, Джеймс, что скоро очень многие люди начнут интересоваться этой ничего собой не представляющей страной.

– Какие люди?

– Иудейского происхождения. Желтолицые финансисты из офисов разных столиц.

– К чему это ты клонишь?

– Да так, пытаюсь усложнить простое задание...

– Ты что, всерьез думаешь, что привезти рукопись в издательство и передать ее издателю из рук в руки может оказаться трудно?

– Нет, – с сожалением в голосе отвечал Энтони. – Ничего трудного тут нет. А знаешь, Джеймс, что я сделаю с моими двумястами пятьюдесятью фунтами?

– Отправишься в Южную Америку?

– Нет, мой дорогой, в Герцословакию. Думаю, там для меня найдется работенка в лагере республиканцев. Очень может быть, что я стану президентом.

– Может, уж сразу объявишь себя главным Оболовичем да станешь королем, чего мелочиться-то?

– Нет, Джимми. Король – должность пожизненная. А президент – работа годика на четыре, ну, может, чуть больше. Четыре года управлять королевством вроде Герцословакии очень даже интересно.

– Я бы сказал, что короли у них живут и того меньше, – вмешался Джимми.

– Возможно, я даже поддамся искушению разбазарить на это твою долю из тысячи фунтов. Тебе она все равно ведь не понадобится, когда ты вернешься, весь увешанный самородками. Так что я вложу ее от твоего имени в нефтяные промыслы Герцословакии... Знаешь, Джим, чем больше я думаю об этом твоём предложении, тем больше оно мне нравится. Я никогда и не вспомнил бы о Герцословакии, если бы не ты. Поеду в Лондон, поторчу там денек, заберу денежки – и вперед, на «Балканский экспресс»!

– Нет, так скоро не получится. Забыл сказать, у меня есть для тебя еще одно поручение.

Энтони опустил в кресло и устремил на него тяжелый взгляд.

– Так я и знал, что этим все не кончится. Где-то должна быть закавыка.

– Никаких закавык. Просто надо выручить одну леди.

– Джеймс, быть замешанным в твоих любовных делишках я отказываюсь раз и навсегда.

– Мои любовные делишки тут ни при чем. Я никогда эту леди не видел. Сейчас расскажу.

– Ну, раз уж мне предстоит выслушать еще один длинный путанный рассказ, налей-ка мне сначала выпить.

Просьба была немедленно уважена гостеприимным хозяином, и потянулся рассказ.

– Это случилось, когда я был в Уганде. Там был один даго[4 - Даго – презрительная кличка итальянца, испанца, португальца.], я спас ему жизнь...

– Джимми, на твоём месте я бы давно уже написал книгу: «Жизни, которые я спас». Второй раз за вечер от тебя это слышу.

– Да нет, ничего особенного. Просто выловил этого типа из реки, вот и все. Как и все даго, он не умел плавать.

– Погоди-ка, эта история имеет отношение к тому первому делу?

– Никакого. Хотя, если подумать, есть одно странное совпадение – даго был родом из Герцословакии. Но мы почему-то звали его Голландцем Педро.

Энтони безразлично кивнул.

– Для даго любое имя сгодится, – заметил он. – Валяй дальше, Джеймс.

– Ну, парень был вроде как благодарен. Вечно ходил за мной по пятам, как пес. Шесть месяцев спустя он умер от лихорадки. Я был тогда с ним. Отдавая концы, он вдруг позвал меня к себе и стал шептать что-то о какой-то тайне – мне показалось, он сказал «золотая жила». И сунул мне в руки клеенчатый пакет, который всегда носил под рубашкой, прямо на теле. Ну, я тогда даже не подумал о том, что в нем могло быть. Открыл его неделю спустя. Признаться, мне стало любопытно. Оно конечно, у Голландца Педро вряд ли хватило бы ума опознать золотую жилу, даже если бы он ее увидел – но чем черт не шутит...

– Зато твое сердце, как водится, забилося чаще при одной мысли о золоте, – вставил Кейд.

– В жизни моей мне еще не было так противно. Золотая жила, как же!.. Хотя для такого грязного пса, как он, это, может, и был Клондайк. Знаешь, что там было, в конверте? Письма женщины – да-да, женщины, англичанки к тому же. Мерзавец ее шантажировал – и ему еще хватило наглости передать мне свой грязный секрет.

– Мне приятно видеть твое благородное негодование, Джеймс, но, позволь тебе заметить, даго – он даго и есть. Он не хотел дурного. Ты спас ему жизнь, вот он и завещал тебе надежный источник дохода – твои высоколобые британские идеалы даже не входили в его поле зрения.

– Ну и какого черта мне было с ними делать? Первым делом я хотел их сжечь. Потом подумал: бедная дамочка ведь не узнает, что их больше нет, и будет всю жизнь трепыхаться от страха, как бы этот даго не появился снова.

– А у тебя больше воображения, чем я думал, Джимми, – заметил Энтони, закуривая сигарету. – Действительно, тут все не так просто, как кажется на первый взгляд. Может, послать их ей по почте?

– Как все женщины, она не ставила на своих письмах ни даты, ни адреса. Только на одном написано одно словечко: «Чимниз».

Энтони застыл с горячей спичкой в руках и держал ее до тех пор, пока она не обожгла ему пальцы.

– Чимниз? – повторил он. – Вот это неожиданность.

– Почему? Ты что, знаешь это место?

– Это одно из самых известных поместий в Британии, Джеймс. Короли и королевы любят проводить там выходные, а дипломаты собираются и вершат свои дипломатические дела.

– Вот почему я так рад, что в Англию вместо меня поедешь ты. Ты знаком с такими вещами, – просто сказал Джимми. – Простофиля вроде меня, выходца из канадского захолустья, уж наверняка наделает там дел. Но человек, который учился и в Харроу, и в Итоне...

– Только в одном из двух, – заметил Энтони скромно.

– ...Наверняка справится. Почему я не отослал их ей обратно, ты спрашиваешь? Мне показалось, что это не безопасно. Насколько я понял, у нее ревнивый муж. А что, если письма откроет он? Как тогда будет чувствовать себя бедная дамочка? Хотя, может, она уже и умерла – судя по письмам, написаны они не вчера... Вот я и решил, что лучше всего будет кому-нибудь отвезти эти письма в Англию и отдать их ей в собственные руки.

Кейд бросил сигарету, встал, подошел к другу и добродушно хлопнул того по спине.

– Ты настоящий рыцарь, Джимми, – сказал он. – Канадская провинция имеет все основания гордиться тобой. Я сам и не справился бы с этим делом и вполтину так же хорошо, как ты.

– Так ты их отвезешь?

– Конечно.

Макграт встал, выдвинул ящик, вынул из него связку писем и бросил их на стол.

– Вот они. Только лучше взгляни на них сначала.

– Зачем? Я лучше не буду.

– Судя по тому, что ты говорил про это место – ну, про Чимниз, – вряд ли она там живет; скорее, просто приезжала погостить. Так что лучше проглядеть все письма – а вдруг где-нибудь да попадется намек на то, где она на самом деле обитает.

– Наверное, ты прав.

И они вместе просмотрели все письма, но того, на что надеялись, так и не нашли. Энтони задумчиво собрал корреспонденцию в стопку.

– Вот бедняга, – произнес он. – Неудивительно, что она была так напугана.

Джимми кивнул.

– Как думаешь, сможешь ты ее отыскать? – спросил он обеспокоенно.

– Не уеду из Англии, пока не найду ее. А тебя очень тревожит судьба этой незнакомой леди, Джеймс?

Джимми задумчиво погладил подпись пальцами.

– Имя у нее красивое, – сказал он извиняющимся тоном. – Вирджиния Ривел.

Глава 3

Тревога в высших сферах

– Именно так, друг мой, именно так, – произнес лорд Кейтерхэм.

Он уже в четвертый раз прибегал к этой фразе, точно надеясь, что она, подобно магическому заклинанию, сможет положить конец затянувшейся беседе и даст ему возможность бежать. Ему было крайне неприятно, стоя на ступеньках своего лондонского клуба, в который ему в данный момент не давали войти, выслушивать бесконечное словоизвержение почтенного Джорджа Ломакса.

Клемент Эдвард Алистер Брент, девятый маркиз Кейтерхэм, миниатюрный джентльмен в потертом костюме, совершенно не соответствовал расхожему представлению о том, каким должен быть настоящий маркиз. У него были выцветшие голубые глазки, тонкий грустный нос и манеры рассеянного, хотя и воспитанного человека.

Главное несчастье в жизни лорда Кейтерхэма случилось четыре года назад, когда ему пришлось унаследовать титул своего брата, восьмого маркиза Кейтерхэма. Прежний лорд Кейтерхэм был человеком значительным, из тех, о ком судачат на каждой кухне в Англии. Как государственный секретарь по международным делам, он играл неизменно важную роль на всех заседаниях совета империи, а его родовое гнездо, усадьба Чимниз, славилась своим гостеприимством. Его супруга, дочь герцога Пертского, была ему под стать, и при деятельном участии этой дамы на непринужденных субботних вечеринках в Чимниз, куда почитали за честь получить приглашение все мало-мальски значительные лица Англии – да что там Англии, Европы, – решались судьбы империи и мира.

Все это, конечно, очень хорошо. Девятый маркиз Кейтерхэм испытывал глубочайшее почтение к памяти своего брата: Генри знал толк в политике. Однако нынешний лорд Кейтерхэм возражал против того, чтобы поместье Чимниз считалось чем-то вроде национального достояния; он хотел видеть в нем, прежде всего, загородный дом своей семьи. Ничто не утомляло лорда Кейтерхэма больше, чем политика, – ну разве что люди, которые ею занимались. Отсюда и его нетерпение, лишь подогреваемое огнем красноречия Джорджа Ломакса. Здоровяк он, этот Ломакс, несколько склонен к полноте, лицо красное, глаза навывкате, а чувство собственного достоинства непревзойденное.

– Вы улавливаете суть, Кейтерхэм? Мы не можем – просто не можем – допустить скандала именно сейчас. Положение в высшей степени деликатное.

– Как всегда, – отозвался лорд Кейтерхэм не без иронии.

– Дорогой мой, мне лучше знать!

– О, конечно, конечно, – сказал лорд Кейтерхэм, отступая на привычную оборонительную позицию.

– Одна ошибка в этом герцословацком деле, и для нас все кончено. Крайне важно, чтобы нефтяная концессия в Герцословакии досталась именно британской компании. Неужели вы этого не понимаете?

– Конечно, конечно.

– Принц Михаил Оболович приедет на выходные в Чимниз, и мы провернем все дело под видом обычной охоты.

– Вообще-то в ближайшие выходные я собирался за границу, – возразил лорд Кейтерхэм.

– Чепуха, мой дорогой Кейтерхэм, никто не ездит за границу в начале октября.

– Мой доктор, кажется, полагает, что мое здоровье не совсем в порядке, – заметил лорд Кейтерхэм, с вожделением провожая взглядом такси, которое со скоростью улитки ползло мимо. Но скрыться бегством не представлялось возможным – у Ломакса была пренеприятная привычка держать за лацкан собеседника, если тот представлял для него особый интерес; несомненно, результат горького опыта. Вот и теперь его рука прямо-таки приросла к лацкану пальто лорда Кейтерхэма.

– Мой дорогой, позвольте говорить с вами без обиняков. Во время национального кризиса, подобного тому, что грозит нам в настоящее время...

Лорд Кейтерхэм встревоженно заерзал. Ему вдруг показалось, что лучше уж пригласить на уик-энд в свое имение сколько угодно гостей, чем слушать, как Джордж Ломакс толкает свои политические речи. По опыту он знал, что тот в состоянии говорить без перерыва минут двадцать.

– Ладно, – сказал он поспешно, – я согласен. Только организуйте все вы.

– Мой дорогой друг, да что здесь организовывать? Чимниз, не говоря уже о связанных с ним многочисленных исторических ассоциациях, обладает идеальным расположением. Я буду в Эбби, всего в семи милях от вас. Не годится, если меня увидят среди гостей, приглашенных на вашу домашнюю вечеринку.

– Разумеется, – согласился лорд Кейтерхэм, который понятия не имел, почему это так, и не горел желанием выяснять.

– Однако вам не помешает Билл Эверсли. Он может выполнять поручения.

– Прекрасно, – поддержал его лорд Кейтерхэм, на этот раз с большим оживлением. – Билл хорошо стреляет, да и Бандл он симпатичен.

– Стрельба тут совершенно ни при чем. Охота – только предлог, не более.

Лорд Кейтерхэм снова погрузился в уныние.

– Вот, собственно, и все приглашенные. Принц, его свита, Билл Эверсли, Герман Айзекштейн...

– Кто?

– Герман Айзекштейн. Представитель того синдиката, о котором я вам говорил.

– Вы, кажется, упоминали британский синдикат?

– Ну да, британский. А что такое?

– Ничего... ничего... просто я удивился, вот и все. До чего странные бывают имена.

– Ну и, конечно, пара-тройка сторонних людей, чтобы никто ничего не заподозрил. Леди Эйлин об этом позаботится – пусть пригласит молодых людей, некритически настроенных, которые понятия не имеют о политике.

– Ну, с этим Бандл точно справится.

– И вот еще что. – Ломакс задумался. – Помните то дело, о котором я говорил с вами только что?

– Вы говорили о разных делах.

– Нет, нет, я об этом непредвиденно возникшем осложнении... – он опустил голос до таинственного шепота, – о мемуарах... мемуарах графа Стилптича.

– По-моему, вы напрасно волнуетесь, – сказал лорд Кейтерхэм, подавляя зевок. – Люди любят скандалы. Черт возьми, я и сам не прочь почитать чужие откровения, и всегда получаю удовольствие.

– Дело не в том, прочтут их другие люди или нет – конечно, прочтут, и очень быстро, – а в том, что их публикация сейчас – именно сейчас – способна разрушить все, абсолютно все. Народ Герцословакии желает восстановления монархии и готов вручить корону принцу Михаилу, который пользуется поддержкой правительства Его Величества...

– И который готов вернуть Айзекштейну и компании их миллион, потраченный на его восстановление на престоле, даровав этим господам концессию...

– Кейтерхэм, Кейтерхэм, – взмолился Ломакс драматическим шепотом. – Осмотрительность, молю вас. Осмотрительность превыше всего.

– А дело все в том, – с явным наслаждением продолжал лорд Кейтерхэм, хотя и снизил голос, вняв мольбам собеседника, – дело в том, что некоторые откровения графа Стилптича могут перевернуть всю тележку с яблоками. Что, Оболовичи оказались тиранами и греховодниками? В парламенте начнут задавать вопросы. Зачем менять существующую демократическую форму правления на абсолютную монархию? Чтобы угодить капиталистам-кровососам. Долой правительство. И так далее, в том же духе, не так ли?

Ломакс кивнул.

– А может быть и хуже, – выдохнул он. – Предположим – только предположим, – что в мемуарах может идти речь и о том злосчастном исчезновении... ну, вы понимаете, о чем я.

Лорд Кейтерхэм вытаращил глаза.

– Нет, не понимаю. Каком исчезновении?

– Разве вы не слышали? Все ведь произошло именно в Чимниз. Генри очень расстраивался. Пропажа едва не стоила ему карьеры.

– Вы меня заинтриговали, – сказал лорд Кейтерхэм. – Кто же или что пропало в Чимниз?

Ломакс подался вперед и приблизил свой рот вплотную к уху Кейтерхэма. Последний тут же отпрянул.

– Бога ради, не шипите мне прямо в ухо.

– Вы слышали, что я сказал?

– Да, слышал, – ответил лорд Кейтерхэм с неохотой. – Теперь я вспоминаю, что действительно что-то тогда об этом слышал. Очень любопытное дельце. Интересно, кто его обстригал? Его так и не нашли?

– Нет. Именно поэтому мы должны соблюдать величайшую осторожность. Ни одного намека на исчезновение не должно просочиться наружу. Но Стилптич тоже был тогда в Чимниз. И он что-то знал. Не все, но кое-что. У нас были тогда с ним разногласия по турецкому вопросу. Что, если он из чистой вредности взял да и записал всю эту историю, чтобы сделать ее достоянием гласности? Подумайте, какой может разразиться скандал, и к каким последствиям он может привести. Все будут спрашивать – почему мы раньше ничего не узнали?

– Разумеется, будут, – сказал лорд Кейтерхэм с нескрываемым наслаждением.

Ломакс, чей голос поднялся почти до визга, взял себя в руки.

– Я должен сохранять спокойствие, – пробормотал он. – Я должен сохранять спокойствие. Но вот о чем я спрашиваю вас, мой дорогой друг. Если он не хотел ничего дурного, то зачем было посылать мемуары в Лондон кружным путем?

– В самом деле, странно. А вы ничего не напутали?

– Я абсолютно уверен. У нас... э-э-э... был свой агент в Париже. Мемуары были тайно отправлены из города еще за несколько недель до его смерти.

– Да, похоже, что тут действительно не все чисто, – согласился лорд Кейтерхэм, так же радостно, как и раньше.

– Мы выяснили, что мемуары были отправлены человеку по имени Джимми, или Джеймс Макграт, канадцу, обитающему нынче в Африке.

– Похоже, в этом деле замешана вся империя, – весело заметил лорд Кейтерхэм.

– Джеймс Макграт прибывает на корабле «Гранарт Касл» завтра, в четверг.

– И что вы будете делать?

– Разумеется, прежде всего мы свяжемся с ним и предпримем попытку – по крайней мере, одну – уговорить его задержать публикацию, скажем, на месяц, и вообще позволить подвергнуть рукопись серьезному редактированию.

– А если он скажет «нет», да еще прибавит к этому что-нибудь яркое и живописное, вроде «катитесь вы к чертям со своими предложениями», тогда что? – поинтересовался лорд Кейтерхэм.

– Этого-то я и опасаюсь, – просто сказал Ломакс. – Вот почему мне пришло в голову, что неплохо было бы попытаться залучить его к вам в Чимниз. Ему, конечно, польстит приглашение в общество, где он будет представлен принцу Михаилу, и, может быть, там его легче будет уломать.

– Я этим заниматься не буду, – торопливо возразил лорд Кейтерхэм. – Я вообще не в ладах с канадцами, а с теми, которые жили в Африке, в особенности!

– Вполне вероятно, что он окажется отличным парнем – грубоватым, но добродушным.

– Нет, Ломакс. Тут я должен решительно топнуть ногой. Пусть кто-нибудь другой возьмет его на себя.

– Мне пришло в голову, – сказал Ломакс, – что тут нам поможет женщина. Там, где требуется прозрачно намекнуть, ничего при этом не сказав, без женщины никак не обойтись. Только женщина способна объяснить все с деликатностью и тактом – поставить его перед фактом так, чтобы он и не думал артачиться. Я, конечно, не одобряю женщин в политике – Сент-Стивен показал свою

неостоятельность, полную несостоятельность. Но женщина в своей сфере способна творить чудеса. Взять хотя бы жену Генри – что только она для него не делала. Марсия была великолепной, уникальной, идеальной хозяйкой политического салона.

– Вы ведь не хотите пригласить к нам на уик-энд Марсию? – спросил лорд Кейтерхэм еле слышно, заметно побледнев при одном упоминании о своей достойной невестке.

– Нет, нет, вы меня неправильно поняли. Я говорил о женском влиянии в целом. Я хочу предложить женщину молодую, очаровательную, прекрасную и умную.

– Надеюсь, вы не имеете в виду Бандл? От нее в таких делах никакого толку. Она ведь социалистка, вы знаете, и, предложите вы ей что-нибудь подобное, она просто расхохочется вам в лицо.

– Нет, я думал не о леди Эйлин. Ваша дочь, Кейтерхэм, очаровательна, просто очаровательна, но она еще совершенное дитя. А нам нужна особа, умеющая себя подать, повидавшая мир, знающая толк в вещах... Одним словом, нам подойдет лишь одна особа. Моя кузина Вирджиния.

– Миссис Ривел? – Лорд Кейтерхэм просиял. Перспектива предстоящего уик-энда вдруг показалась ему не такой уж и мрачной. – Прекрасная идея, Ломакс. Самая очаровательная женщина Лондона.

– И о Герцогстве знает не понаслышке. Ее муж служил там в посольстве, вы же знаете. И, к тому же, как вы верно заметили, она – женщина неотразимого личного обаяния.

– Восхитительное создание, – прошептал лорд Кейтерхэм.

– Значит, решено.

Мистер Ломакс ослабил хватку, и лорд Кейтерхэм тут же воспользовался возможностью освободить свой лацкан.

– До свидания, Ломакс. Вы ведь уладите все формальности, правда?

И он нырнул в такси. Лорд Кейтерхэм не любил достопочтенного Джорджа Ломакса настолько, насколько один добродетельный христианский джентльмен может не любить другого. Особенно его раздражали в последнем одутловатое красное лицо, тяжелое дыхание и честные голубые глаза навывкате. Думая о предстоящем уик-энде, он даже вздохнул. Некстати, ах, как все это сейчас некстати... Тут лорд Кейтерхэм вспомнил о Вирджинии Ривел и слегка взбодрился.

– Восхитительное создание, – пробормотал он себе под нос. – Просто восхитительное.

Глава 4

Знакомство с очаровательной леди

Джордж Ломакс направился напрямик в Уайтхолл. Входя в дорогостоящие апартаменты, откуда им вершились дела государства, он услышал громкий шорох.

Мистер Билл Эверсли, сидя за столом, усердно сортировал письма, однако большое кресло у окна еще сохранило следы контакта с человеческим телом.

Очень симпатичный молодой человек, этот Билл Эверсли. Лет примерно двадцати пяти, крупный, неуклюжий в движениях, обладатель приятно некрасивого лица, полного набора великолепных зубов и пары честных карих глаз.

– Ричардсон уже представил отчет?

– Нет, сэр. Связаться с ним?

– Нет, неважно. Кто-нибудь звонил?

– На звонки отвечает мисс Оскар. Мистер Айзекштейн хочет знать, сможете ли вы пообедать с ним завтра в Савое?

– Пусть мисс Оскар посмотрит в моем ежедневнике. Если я не занят, пусть позвонит и примет приглашение.

– Да, сэр.

– Кстати, Эверсли, наберите-ка мне один номер. Посмотрите его в телефонной книге. Миссис Ривел, четыреста восемьдесят семь, Понт-стрит.

– Да, сэр.

Билл схватил книгу, невидящим глазом пробежал всю колонку на М, захлопнул справочник и подошел к аппарату. Положив на него руку, он вдруг замер, как будто что-то вспомнил.

– О... э-э, сэр, я только что вспомнил. У нее линия не работает. У миссис Ривел. Я только недавно пробовал ей звонить.

Джордж Ломакс нахмурился.

– Некстати, – сказал он, – ах, как некстати... – И в раздумье забарабанил пальцами по столу.

– Если это так важно, сэр, то, может быть, мне съездить к ней на такси? Утром она наверняка дома.

Джордж Ломакс помешкал, обдумывая предложение. Билл нетерпеливо ждал, готовый сорваться с места и лететь, как только будет получен положительный ответ.

– Пожалуй, так действительно лучше, – сказал наконец Ломакс. – Хорошо, берите такси, езжайте к миссис Ривел и спросите у нее, будет ли она дома сегодня в четыре часа; скажите, что мне нужно повидать ее по одному важному делу.

– Хорошо, сэр.

Билл схватил шляпу и удалился.

Десять минут спустя он уже выходил из такси возле дома номер 487 на Понт-стрит. Позвонил в дверь и тут же громко постучал молотком. Дверь открыл напыщенный дворецкий, которому Билл кивнул с легкомыслием старого знакомого.

– Доброе утро, Чилверс, миссис Ривел дома?

– Мне кажется, сэр, она как раз собирается выходить.

– Это ты, Билл? – раздался голос с верхней площадки лестницы. – То-то мне показалось, что я узнала этот мужественный стук... Поднимайся сюда, поболтаем.

Посмотрев вверх, Билл увидел смеющееся лицо, один взгляд на которое неизменно приводил его – и не только его – в состояние, граничащее с кретинизмом. Он взлетел по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, схватил протянутые к нему руки Вирджинии Ривел и крепко сжал в своих.

– Здравствуй, Вирджиния!

– Здравствуй, Билл!

Шарм – удивительная вещь; сотни молодых женщин, многие даже красивее Вирджинии Ривел, могли бы произнести эти же самые слова точно таким тоном и не произвести на Билла никакого впечатления. Но, сорвавшись с уст Вирджинии, эти два простых слова оказали на Эверли поистине опьяняющее воздействие.

Вирджинии Ривел было двадцать семь лет. Она была высока ростом и дивно сложена – ее фигура могла бы вдохновлять поэтов изысканностью своих пропорций. Ее волосы отливали бронзой с едва заметным зеленоватым оттенком, подобным благородной патине на этом металле; подбородок у нее был маленький и решительный, носик очаровательный, полуопущенные веки чуть раскосых глаз скрывали глубокую васильковую синь, а восхитительный, не поддающийся никакому описанию ротик вечно дразнил зрителя одним приподнятым уголком, известным как «печать Венеры». К тому же это было на редкость выразительное лицо, присущая ему энергия и оживление неизменно

приковывали всеобщее внимание. Одним словом, Вирджиния Ривел была одной из тех женщин, не обратить внимание на которых решительно невозможно.

Она потянула Билла за собой в маленькую гостиную, нежными переливами розовато-лиловых, желтых и зеленых тонов напоминающую клумбу расцветших по весне крокусов.

– Билл, дорогуша, – начала Вирджиния, – неужели Министерство иностранных дел по тебе не скучает? А я думала, они там без тебя как без рук.

– Я принес тебе весточку от Коддерса. – Так непочтительно Билл отзывался о своем шефе. – И кстати, Вирджиния, если он спросит, то твой телефон был не в порядке сегодня утром.

– Но с ним ничего не случилось.

– Я знаю. Просто это я ему так сказал.

– Для чего? Просвети меня, что это за дипломатические хитрости такие? – Билл послал ей полный упрека взгляд.

– Конечно же, для того, чтобы я мог приехать сюда сам и увидеть тебя.

– О, мой дорогой Билл, какая же я глупая! И какой ты милый!

– Чилверс сказал, что ты собираешься уходить.

– Да, верно, – на Слоун-стрит. Там есть один магазин, где продают изумительные пояса для бедер.

– Пояса для бедер?

– Да, Билл, именно. Такие специальные пояса, надеваются на бедра. Как белье.

– Ты заставляешь меня краснеть, Вирджиния. Нельзя описывать свое нижнее белье молодому человеку, который не приходится тебе родственником.

Это неприлично.

– Но, Билл, дорогуша, что такого неприличного в бедрах? Бедра есть у всех – хотя мы, бедные женщины, изо всех сил стараемся делать вид, будто у нас их нет... Так вот, этот пояс делается из красной резины и доходит до колен, так что в нем просто невозможно ходить.

– Какой ужас! – сказал Билл. – Зачем тебе это?

– Затем, что жертвы, принесенные ради собственной фигуры, облагораживают нас внутренне. Так что просил передать Джордж?

– Он хочет знать, дома ли ты сегодня в четыре.

– Нет. В четыре я буду в Рейнло. А к чему такая официальность? Он что, решил сделать мне предложение, как ты думаешь?

– Я бы не удивился.

– Если так, то скажи ему, что я предпочитаю мужчин, которые предлагают руку и сердце импульсивно, без долгих размышлений.

– Как я?

– В твоем случае, Билл, импульс ни при чем. У тебя это просто привычка.

– Вирджиния, неужели ты никогда...

– Нет, нет и нет, Билл. Я отказываюсь говорить о таких вещах до второго завтрака. Думай обо мне как о милой заботливой даме, приближающейся к среднему возрасту и принимающей твои интересы близко к сердцу.

– Вирджиния, я же так люблю тебя.

– Знаю, Билл, знаю. А я люблю чувствовать себя любимой... Ну разве это не ужасно, не гадко с моей стороны? Я хочу, чтобы все приличные мужчины

на свете были в меня влюблены.

– По-моему, так оно и есть, – грустно ответил Билл.

– Но только кроме Джорджа. Вряд ли он в кого-нибудь влюблен. Он ведь женат на своей карьере... Что он еще сказал?

– Только то, что это очень важно.

– Билл, я заинтригована. На свете не так много вещей, которые Джордж находит важными. Думаю, придется мне отказаться от Рейнло. В конце концов, туда я и в другой день успею. Передай Джорджу, что я буду ждать его кротко, словно овечка, ровно в четыре часа.

Билл взглянул на свои часы.

– Вряд ли мне стоит возвращаться туда до ланча. Пойдем, пожую что-нибудь, Вирджиния.

– Я должна встретиться за ланчем еще кое с кем.

– Вот и хорошо, идем. Отмени все свои визиты, давай проведем этот день вдвоем.

– Было бы здорово, – ответила Вирджиния, улыбаясь ему.

– Вирджиния, ты прелесть. Скажи мне, я ведь тебе немного нравлюсь, правда? Чуть больше, чем другие?

– Билл, я тебя обожаю. И если бы мне надо было выйти замуж – то есть необходимо, ну просто под страхом смерти, – я бы выбрала только тебя. Так и сказала бы: «Дайте мне малыша Билла».

– Ну, тогда...

– Да, но мне ведь не надо ни за кого выходить. Положение развратной вдовушки меня вполне устраивает.

– Я бы тебе ни в чем не препятствовал. Ты была бы абсолютно свободна. Да меня и видно бы не было в твоём доме.

– Билл, ты просто не понимаешь. Я из тех женщин, которые либо выходят замуж, увлекаемые энтузиазмом, либо не выходят совсем.

Билл издал тяжкий стон.

– Думаю, что скоро застрелюсь, вот прямо на днях, – мрачно пробормотал он.

– Не застрелишься, Билл, милый. Ты пригласишь на ужин хорошенькую девушку, как сделал позавчера.

Мистер Эверсли немедленно смутился.

– Если ты про Дороти Киркпатрик, девушку из «Крючка и петельки», то я... гром меня разрази, да она просто славная девчушка, вот и всё. Ничего плохого не было.

– Билл, милый, ну конечно, не было. Мне очень приятно, когда ты развлекаешься. Только не надо делать вид, будто умираешь от разбитого сердца.

Мистер Эверсли снова взглянул на нее с достоинством.

– Ты просто не понимаешь, Вирджиния, – сказал он строго. – Мужчины...

– Полигамны, я знаю. А я, как мне иногда кажется, обладаю склонностью к многожению... Билл, если ты меня любишь, пойдем есть сейчас же.

Первая ночь в Лондоне

Даже в самых лучших планах случаются недочеты. Вот и Джордж Ломакс допустил ошибку – во всей его тщательно разработанной кампании оказалось одно слабое место. Им был Билл.

Эверсли был очень славным парнем. Он хорошо играл в крикет и вполне сносно – в гольф, обладал приятными манерами и дружелюбием, однако место в Министерстве иностранных дел ему доставили, увы, не его способности, а исключительно связи. Работа, которую он исполнял, ему подходила. Он состоял при Джордже чем-то вроде собаки. Ничего ответственного, требующего пошевелить мозгами, ему не поручали. Он должен был лишь неотлучно находиться при Джордже, беседовать с разными незначительными людьми, которых тот не хотел видеть, бегать с поручениями и вообще приносить пользу. Службу свою Билл исполнял на совесть. А когда Джордж отсутствовал в офисе, он разваливался в самом большом кресле и читал спортивные новости, поддерживая древнюю и почтенную традицию.

Привыкнув отправлять Билла с разными поручениями, Джордж и теперь послал его в контору «Юнион Касл» с заданием выяснить время прибытия «Гранарт Касл». А у Билла, как у большинства образованных молодых англичан, был хотя и приятный, но очень тихий голос. Да и любой учитель риторики указал бы ему на его ошибку в произношении слова Гранарт. В устах Билла его можно было принять за что угодно. Клерк в пароходстве принял его за Карнфрэ. «Карнфрэ Касл» прибывал в следующий четверг. Так он и сказал. Билл поблагодарил его и вышел. Джордж Ломакс принял эту информацию к сведению и соответствующим образом выстроил свой план. Он не имел никакого понятия о графике движения океанских лайнеров и потому ни на секунду не усомнился в том, что Джеймс Макграт появится не раньше четверга.

Вот почему в ту самую среду, когда Джордж держал лорда Кейтерхэма на ступенях его лондонского клуба, просунув палец в петлицу на лацкане его пальто, он крайне удивился бы, если бы кто-нибудь сообщил ему, что «Гранарт Касл» благополучно бросил якорь в порту Саутгемптона еще накануне днем. В два часа дня Энтони Кейд, путешествующий под именем Джеймса Макграта, сошел с поезда на вокзале Ватерлоо, кликнул такси и, после небольшого раздумья, велел везти себя в отель «Блиц». «Можно позволить себе провести время с удобством», – думал он, с интересом глядя в окно такси. С тех пор

как Кейд в последний раз был в Лондоне, прошло ровно четырнадцать лет.

Прибыв в отель, он взял номер и вышел пройтись по набережной. Неплохо было снова оказаться в Лондоне. Многое, конечно, изменилось. Вот тут – сразу за мостом Блэкфрайерс – был ресторанчик, где в былые дни он часто обедал с друзьями, славными ребятами. Тогда Энтони считал себя социалистом и носил огненно-красный галстук. Молодость, молодость...

В отель он вернулся тем же путем. Когда Кейд переходил улицу, какой-то человек, проходя мимо, толкнул его так, что оба едва не потеряли равновесие. Опомившись, он начал бормотать извинения, глазами так и шаря по лицу Энтони. Сам он оказался коренастым коротышкой, явно из рабочих и явно иностранцем.

Входя в отель, Энтони думал о том, что могло стать причиной столь взыскующего взгляда незнакомца. Возможно, ничего. А возможно, просто его загорелое лицо, столь необычное на фоне бледных физиономий лондонцев, привлекло его внимание. Энтони поднялся к себе и там, повинувшись какому-то внезапному импульсу, подошел к зеркалу и стал изучать в нем свое лицо. Интересно, кто-нибудь из старых – и очень немногих – друзей узнал бы его сейчас, встретясь они лицом к лицу? И он медленно покачал головой.

Когда Энтони четырнадцать лет назад покидал Лондон, ему самому было только восемнадцать – светловолосый, чуть склонный к полноте мальчик обманчиво-ангельской наружности. Вряд ли найдется человек, который опознает того белокурого херувима в худощавом, загорелом мужчине с насмешливым выражением лица.

На столике у кровати зазвонил телефон, и Энтони подошел, чтобы снять трубку.

– Алло!

И услышал голос гостиничного клерка:

– Мистер Джеймс Макграт?

– Слушаю.

– К вам посетитель.

Энтони очень удивился.

– Посетитель? Ко мне?

– Да, сэр, иностранный джентльмен.

– Как он представился?

После небольшой паузы клерк сказал:

– Я сейчас пришлю к вам посыльного с его визиткой.

Энтони положил трубку и стал ждать. Через пару минут в дверь постучали, и на пороге возник младший служащий отеля с визитной карточкой на подносе. Энтони взял ее. На ней было написано следующее: «Барон Лолопретжил».

Ему стало понятно, откуда возникла та пауза.

Минуту-другую он разглядывал карточку и, наконец, решился.

– Приведи этого джентльмена сюда.

– Очень хорошо, сэр.

Вскоре в его номер уже входил барон Лолопретжил – крупный мужчина с окладистой черной бородой и высоким лбом с большими залысинами. Резко щелкнув каблуками, он наклонил голову и произнес:

– Мистер Макграт.

Энтони имитировал его приветствие, как мог.

– Барон, – произнес он. И, подвигая гостю кресло, добавил: – Прошу вас, садитесь. Мы, кажется, не имели удовольствия встречаться раньше?

– Это так, – подтвердил гость, усаживаясь, и вежливо добавил: – К несчастью для меня.

– И для меня также, – отвечал Энтони в том же духе.

– Давайте теперь переходить к делу, – сказал барон. – Я представляю в Лондоне партию лоялистов Герцословакии.

– И, вне всякого сомнения, представляете ее в высшей степени достойно, – прошелестел Энтони вполголоса.

Барон снова поклонился, услышав комплимент.

– Вы очень добры, – произнес он сдержанно. – Мистер Макграт, я не буду от вас ничего скрывать. Время пришло восстановить монархию, ненадолго отмененную после мученической кончины Его Всемилоштивейшего Величества короля Николая Четвертого, да будет благословенна его память.

– Аминь, – шепнул Энтони. – Я вас слушаю, слушаю.

– На трон взоидет Его Высочество принц Михаил, который поддержкой британского правительства пользуется.

– Великолечно, – сказал Энтони. – Вы очень добры, что сообщаете мне такие подробности.

– Все уже устроено – и тут вы появляетесь неприятности делать.

Барон пронзил его суровым взглядом.

– Мой дорогой барон, – запротестовал Энтони.

– Да, да, я знаю, что я говорю. У вас с собой мемуары покойного графа Стилптича.

И он пронзил Энтони обвиняющим взглядом.

– Даже если так? Какое отношение мемуары графа Стилпича имеют к принцу Михаилу?

– Они вызовут скандал.

– С мемуарами всегда так, – успокоил его Энтони.

– Много секретов знал этот старик. Раскрой он хотя бы четверть из них, Европа погрузится в ужасы войны.

– Ну уж, ну уж, – сказал Энтони. – Это вряд ли.

– О династии Оболовичей неблагоприятное мнение составит.
Так демократичен английский дух.

– Вполне могу поверить, – сказал Энтони, – что Оболовичи допускали иногда проявления излишнего деспотизма. Это у них в крови. Но народ Англии и не ждет от сынов Балкан ничего иного. Уж не знаю, почему, но так повелось.

– Вы не понимаете, – сказал барон. – Вы совсем ничего не понимаете. А мои есть уста запечатанные. – Он вздохнул.

– Чего вы так боитесь? – спросил Энтони.

– Пока я не прочту эти мемуары, я не могу вам сказать, – объяснил барон просто. – Но в них наверняка что-нибудь есть. Великие дипломаты обычно так болтливы. Так что тележке с яблоками перевернутой быть, как у вас говорят.

– Послушайте, – сказал Энтони сердечно. – По-моему, вы слишком пессимистично смотрите на вещи. Я знаю, что такое наши издатели, – они сидят на рукописях, как куры на яйцах. Пройдет не меньше года, прежде чем эти мемуары выйдут из печати.

– Либо большой лжец, либо большой простак вы. Все уже готово, чтобы в одной из воскресных газет мемуары вышли немедленно.

– О! – Энтони видимо удивился. – Но ведь всегда можно все отрицать, – добавил он с надеждой.

Барон печально покачал головой.

– Нет, нет, вы говорите в шляпу. К делу давайте. Одну тысячу фунтов вам обещали, так? Видите, у меня надежная информация есть.

– Поздравляю отдел разведки партии лоялистов.

– Тогда я вам предлагаю пятнадцать сотен.

Энтони взглянул на него с изумлением, но тут же сокрушенно покачал головой.

– К сожалению, это невозможно, – горестно сказал он.

– Хорошо. Вам я предлагаю две тысячи.

– Вы искуситель, барон, истинный искуситель. И все равно, этого не может быть.

– Тогда назовите цену.

– Боюсь, что вы не совсем понимаете положение вещей. Охотно верю, что ваше дело правое и что мемуары могут ему повредить. Тем не менее я взялся за эту работу и доведу ее до конца. Понимаете? Я не могу позволить себе продаться противной стороне. Так не делают.

Барон выслушал его очень внимательно. Под конец небольшой речи Энтони он несколько раз кивнул.

– Понимаю. Ваша честь англичанина?

– Ну, сами мы так не говорим, – ответил Энтони. – Но, учитывая разницу в лексиконе, полагаю, что речь у нас с вами идет об одном и том же.

Барон встал.

– К чести англичанина я должен уважение иметь, – объявил он. – Придется испробовать иной путь. Желаю вам доброго утра.

Он сдвинул пятки, щелкнул каблуками, наклонил голову, развернулся и чеканным шагом вышел из номера, держа спину прямо, как на военном параде.

– Интересно, что он хотел этим сказать? – подумал Энтони вслух. – Это угроза или как? Не то чтобы я боялся старины Лоллипопа... А кстати, подходящее для него имя. Так и буду его называть – барон Лоллипоп[5 - Лоллипоп (англ. lollipop) – леденец на палочке.].

Он пару раз прошелся по комнате туда и обратно, видимо, не зная, что предпринять. До дня сдачи рукописи оставалось больше недели. Сегодня было пятое октября. А Энтони не собирался выпускать ее из рук до самого последнего момента. По правде говоря, теперь ему самому страшно хотелось почитать эти мемуары. Он думал заняться этим еще на борту парохода по дороге в Англию, но там его вдруг свалил приступ лихорадки – не сильный, но достаточный для того, чтобы отбить у него всякое желание разбираться в корявом и неразборчивом стариновском почерке – рукопись была именно рукописью, а не печатным документом. Вот почему теперь Кейд был особенно решительно настроен разобраться в том, какую опасность она представляет.

Но было и еще одно дело.

Повинуясь безотчетному желанию, Энтони взял телефонный справочник и открыл его на странице с фамилией Ривел. Таких оказалось шесть: Эдвард Генри Ривел, хирург с Харли-стрит; «Джеймс Ривел и компания», шорники; Леннокс Ривел из Эбботтери Меншнз, в Хемпстеде; мисс Мэри Ривел, проживающая где-то в Илхэге; почтенная миссис Тимоти Ривел, проживающая в доме номер 487 по Понт-стрит; и миссис Уиллис Ривел из дома номер 42 по Кадоген-сквер. Итого, за исключением шорников и мисс Мэри Ривел, четыре подходящие персоны, и это при том, что искомая дама, возможно, вовсе и не живет в Лондоне! Кейд захлопнул книгу и покачал головой.

– Придется положиться на случай, – сказал он. – Что-нибудь всегда подворачивается.

Удача, возможно, именно потому и не изменяет энтони кейдам этого мира, что они так слепо верят в нее. Не прошло и получаса, как наш Энтони Кейд уже напал на след той, которую искал, перелистывая страницы иллюстрированной газеты. Среди большого количества фотографий нашлась одна с изображением живой картины, поставленной в доме герцогини Пертской. Под центральной фигурой дамы в восточном одеянии стояла надпись: «Почтенная миссис Тимоти Ривел в роли Клеопатры. Миссис Ривел, урожденная почтенная Вирджиния Котрон, дочь лорда Эджбастона».

Некоторое время Энтони рассматривал фотографию, постепенно округляя губы, точно хотел свистнуть. Потом вырвал из газеты страницу, свернул и положил в карман. Затем снова поднялся к себе в комнату, открыл чемодан и взял из него пачку писем. Вынув из кармана газетную страницу, подсунул ее под бечевку, которой были перевязаны письма.

Вдруг у него за спиной раздался шум, который заставил его резко обернуться. В дверях стоял человек, до смешного похожий на персонаж комической оперы – раньше Энтони и в голову бы не пришло, что такие и вправду встречаются в жизни. Вид у него был пугающий – квадратная голова из тех, которыми впору прошибать двери, злобная усмешка.

– Какого дьявола вы тут делаете? – спросил Энтони. – И кто вас впустил?

– Я хожу, где мне вздумается, – ответил незнакомец; по-английски он говорил с гортанным иностранным акцентом, хотя и вполне точно.

«Тоже даго», – подумал Энтони.

– Ну так убирайтесь отсюда, слышите? – крикнул он.

Глаза незнакомца не отрывались от писем, которые Энтони держал в руках.

– Я уйду, но не раньше, чем получу то, зачем пришел.

– И что же это, позвольте поинтересоваться?

Человек сделал к нему шаг.

– Мемуары графа Стилптича, – прошипел он.

– Вас просто невозможно принимать всерьез, – сказал Энтони. – Вы прямо как с театральных подмостков сошли – оперный злодей, да и только. Очень симпатичный. Кто вас послал? Барон Лоллипоп?

– Барон...? – Последовательность хриплых согласных оцарапала его собеседнику горло.

– Ах, вот, значит, как это произносится? Как будто, полоща горло, пытаешься одновременно подражать лаю собаки. Не думаю, чтобы мне это удалось – мое горло не приспособлено для таких звуков. Придется мне называть его по-своему – Лоллипоп. Так, значит, это он вас послал?

Но получил исполненный благородной ярости отрицательный ответ. Его посетитель зашел в своем негодовании настолько далеко, что даже плюнул на пол, вполне реалистически. Затем он выхватил из кармана какую-то бумагу, которую швырнул на стол, и провозгласил:

– Смотри! Смотри и дрожи, проклятый англичанин.

Энтони взглянул на листок с любопытством, однако вторую часть обращенного к нему воззвания исполнить не спешил. На листе была довольно грубо намалевана человеческая рука красного цвета.

– Похоже на руку, – заметил он. – Но если вы скажете, что это закат на Северном полюсе, нарисованный художником-кубистом, то я спорить не буду.

– Это знак Братства Красной Руки. Я – член этого Братства.

– Да что вы говорите? – отозвался Энтони, взглядывая на незваного гостя с еще большим интересом. – И что, у вас там все такие? Если так, то даже не знаю, куда общество евгеники смотрит.

Человек ответил ему злобным рыком.

– Собака, – бросил он. – Хуже собаки. Продажный раб разжиревшей монархии. Отдай мне мемуары, и ты останешься цел. Таково милосердие Братства.

– Очень мило с их стороны, конечно, – ответил Энтони, – но, боюсь, и они, и вы в данном случае ошибаетесь. Согласно полученным мною инструкциям, рукопись надлежит доставить отнюдь не в руки вашего милосердного Братства, а некоей издательской фирме.

– Пха! – захохотал другой. – И ты думаешь, что тебе позволят добраться до него живым? Довольно глупых разговоров. Рукопись на стол, или я стреляю.

Он выхватил из кармана револьвер и потряс им в воздухе.

Но член Братства недооценил Энтони Кейда. Он, видимо, не привык иметь дело с людьми, которые действуют так стремительно, – стремительнее, чем думают. Энтони не стал ждать, когда револьвер будет направлен на него. Противник еще не успел полностью извлечь его из кармана, а Кейд уже бросился на него и выбил оружие у него из руки. Сила удара была такова, что незнакомца даже развернуло к нему спиной.

Перед таким шансом Энтони устоять не мог. Одним мощным, точно направленным пинком он отправил негодяя за дверь, и тот рухнул в коридоре на пол.

Энтони шагнул было за ним, но неустрашимый брат уже решил, что с него довольно. Проворно вскочив на ноги, он побежал прочь. Энтони не стал его преследовать, а вернулся к себе.

– Вот с Братством Красной Руки и покончено, – заметил он. – Внешность живописная, однако прямого физического воздействия не выдерживает. И все же, как он сюда проник, вот что интересно? Зато теперь я вижу – эта работенка не так проста, как я решил сначала. Я уже нажил себе врагов как среди лоялистов, так и среди революционеров. Надо полагать, вскоре ко мне пожелают делегации от националистов и независимых либералов... Так что начну-ка я читать, пока не поздно.

Взглянув на часы, Энтони обнаружил, что уже почти девять, и решил поужинать в номере. Визитов он больше не ожидал, но решил, что не мешает все-таки

проявить осторожность. Ему совсем не улыбалось, вернувшись из гриль-бара, обнаружить, что в его отсутствие кто-то перерыл его чемодан. Он позвонил в ресторан и попросил меню, из которого выбрал пару блюд и бутылочку шамбертена в придачу. Официант взял заказ и вышел.

В ожидании ужина Кейд вынул из чемодана рукопись и положил ее на стол, рядом с письмами.

В дверь постучали, вошел другой официант, вкатив в номер небольшой столик с принадлежностями для трапезы. Энтони отошел к камину. Стоя спиной к комнате, он оказался прямо перед зеркалом и, от нечего делать заглянув в него, заметил странную вещь.

Официант не сводил глаз с рукописи. Искоса взглянув на неподвижную спину Энтони, он неслышным шагом приблизился к столу. Руки его дрожали, кончик языка так и сновал по сухим губам. Энтони посмотрел на него внимательно. Он был высокий, гибкий, как все официанты, с бритым подвижным лицом. «Итальянец, – подумал Энтони, – не француз».

В критический момент Кейд резко обернулся. Официант едва заметно вздрогнул, но тут же притворился, будто очень занят солонкой.

– Как ваше имя? – коротко бросил Энтони.

– Джузеппе, месье.

– Итальянец, значит?

– Да, месье.

Энтони заговорил с ним на его языке, и тот отвечал довольно бегло. Наконец Кейд кивком отпустил официанта, но, принявшись за отличную еду, не переставал думать о нем.

Может быть, он ошибся? И интерес Джузеппе к рукописи был не более чем любопытством? Возможно, но, вспомнив лихорадочное возбуждение итальянца, Энтони засомневался. В общем, он был озадачен.

– Черт побери, – сказал Кейд, наконец, сам себе, – не все же охотятся за этой дурацкой рукописью, будь она неладна. Похоже, я просто фантазирую.

Поев и позвонив, чтобы убрали посуду, Энтони принялся за чтение мемуаров. Из-за неразборчивого почерка покойного графа процесс шел медленно. Кейд стал подозрительно часто зевать. К концу четвертой главы он сдался. Рукопись показалась ему нестерпимо скучной, без малейшего намека на скандал.

Затем он собрал лежавшие на столе письма и обертку от рукописи и сложил их в чемодан, который запер. Заперев также и дверь, в качестве дополнительной меры безопасности приставил к ней стул. На него поставил бутылку с водой из ванной.

Не без гордости осмотрев свои приготовления, Энтони разделся и лег в кровать. Глянув еще раз в мемуары Стиппича, он почувствовал, что веки его тяжелеют, сунул рукопись под подушку, погасил свет и почти сразу провалился в сон.

Проснулся Кейд внезапно, часа через четыре после того, как заснул. Что его разбудило, он сказать не мог – то ли какой-то шорох, то ли чувство опасности, особенно сильно развитое у тех, на чью долю выпало немало приключений. Некоторое время он лежал молча, прислушиваясь к своим ощущениям. Что-то едва слышно шелестело в комнате, и Энтони постепенно разглядел в темноте между окном и кроватью – как раз там, где был его чемодан, – какую-то более густую тень.

Энтони взвился с кровати, точно пружина, одновременно включив свет. С пола ему навстречу вскочил человек.

Это был тот официант, Джузеппе. В его правой руке сверкнул длинный тонкий нож. Он бросился на Энтони, который уже успел оценить грозящую ему опасность. Он был безоружен, а Джузеппе явно хорошо владел своим клинком.

Энтони отскочил в сторону, Джузеппе промахнулся. В следующий миг двое мужчин уже покатались по полу, сцепившись. Все силы Кейда были устремлены к тому, чтобы удержать правую руку Джузеппе и не дать ему пустить в ход оружие. Наконец рука итальянца задрожала. Тут же Энтони почувствовал, как левая рука противника тянется к его горлу, стискивает его, сдавливает,

не давая дышать. Но вот, наконец, в последней отчаянной попытке он прижал к полу его правую руку.

С пронзительным звоном нож упал. В ту же секунду итальянец ловко вывернулся из хватки Энтони. Тот вскочил, но совершил ошибку, бросившись к двери, чтобы отрезать итальянцу путь. Слишком поздно он заметил, что и стул, и стоящая на нем бутылка не потревожены.

Джузеппе проник в номер через окно, туда же он бросился и сейчас. Воспользовавшись секундной передышкой, которую своей ошибкой подарил ему Энтони, он выбежал на балкон, перемахнул через перила на соседний и скрылся в окне.

Кейд сразу понял, что бежать за ним бессмысленно. Официант наверняка хорошо знал дорогу. А Энтони, последовав за ним, только наживет себе неприятности.

Вернувшись к кровати, он сунул руку под подушку и вытащил рукопись. Хорошо, что она была здесь, а не в чемодане. Кейд подошел к чемодану и нагнулся за письмами.

И тут же тихо выругался.

Писем не было.

Глава 6

Тонкое искусство шантажа

Ровно без пяти четыре Вирджиния Ривел, с не присущей ей пунктуальностью, вызванной здоровым любопытством, вернулась к себе домой, на Понт-стрит. Открыв своим ключом дверь, она шагнула в холл, где ее уже встречал бесстрастный Чилверс.

– Прошу прощения, мадам, но... вас хочет видеть одна персона...

Вирджиния не сразу обратила внимание на необычный оборот речи, за которым Чилверс скрыл свой намек.

– Мистер Ломакс? Где он? В гостиной?

– О, нет, мадам, это не мистер Ломакс. – В голосе Чилверса звучал легкий упрек. – Эта персона... я не хотел его впускать, но он сказал, что дело у него очень важное, что-то в связи с покойным капитаном, насколько я понял. Решив, что вы, возможно, хотели бы его видеть, я проводил его... э-э... в кабинет.

Вирджиния на мгновение задумалась. Она уже несколько лет как овдовела и редко говорила о своем покойном муже, в чем многие видели проявление безутешного горя, скрытого под маской беззаботности. Другие, напротив, относили ее сдержанность на счет совершенно иной причины, а именно той, что она никогда не любила покойного Тима Ривела и не считала нужным демонстрировать горе, которого не испытывала.

– Позвольте вам сообщить, мадам, – продолжал Чилверс, – что этот человек, кажется, иностранец.

Вирджинии стало интересно. Ее муж был дипломатом, и они вместе жили в Герцословакии как раз перед сенсационным убийством короля и королевы. Может быть, этот человек оттуда – какой-нибудь старый слуга, впавший в бедность...

– Вы правильно поступили, Чилверс, – сказала она с коротким утвердительным кивком. – Куда вы, говорите, его проводили? В кабинет?

Легким пружинистым шагом женщина пересекла холл и открыла дверь в маленькую комнату рядом со столовой.

Посетитель сидел на стуле у камина. При ее появлении он встал и теперь разглядывал ее стоя. Вирджиния обладала прекрасной памятью на лица и сразу определила, что этот человек ей незнаком. Он был высок, смугл, текуч в движениях и явно иностранец; однако, похоже, совсем не славянин. Скорее итальянец или испанец.

– Вы хотели меня видеть? – спросила она. – Я миссис Ривел.

Незнакомец молчал минуту или даже две. При этом он окидывал ее с головы до ног медленным, словно оценивающим взглядом. Наглость, хотя и замаскированная, сквозила в каждом его движении, и она сразу это почувствовала.

– Не могли бы вы назвать свое дело? – продолжала она уже с нетерпением.

– Вы миссис Ривел? Миссис Тимоти Ривел?

– Да. Я же вам только что сказала.

– Именно так. Это хорошо, что вы согласились увидеться со мной, миссис Ривел. В противном случае, как я говорил вашему дворецкому, мне пришлось бы иметь дело с вашим мужем.

Вирджиния взглянула на него с изумлением, но, повинуясь неожиданному импульсу, проглотила ответ, уже готовый сорваться с ее губ. Ограничилась лишь суховатым замечанием:

– Боюсь, это оказалось бы не так просто.

– Ничего. Я очень настойчив. Однако к делу. Вы узнаете это?

И он помахал бумажкой, которую держал в руке. Вирджиния взглянула на нее без особого интереса.

– Вы знаете, что это такое, мадам?

– Кажется, письмо, – ответила Вирджиния, убежденная теперь, что имеет дело с психически неуравновешенным человеком.

– Возможно, вы также видите, кому оно адресовано, – сказал он с подчеркнутой серьезностью, протягивая письмо ей.

– Я умею читать, – приятным голосом информировала его Вирджиния. – Здесь написано «Капитану О’Нилу на рю де Квенель, номер пятнадцать, в Париже».

Жадным взглядом мужчина обшаривал ее лицо и как будто чего-то в нем не находил.

– Может быть, прочтете?

Вирджиния взяла у него конверт, вынула из него письмо и, пробежав глазами первые строчки, вся застыла и протянула письмо обратно.

– Это личное письмо – и оно не предназначено для моих глаз.

Незнакомец сардонически рассмеялся.

– Поздравляю вас, миссис Ривел, вы незаурядная актриса. Вы превосходно играете свою роль. Однако вряд ли вы сможете отрицать подпись!

– Подпись?

Вирджиния перевернула страницу – и онемела от изумления. Внизу письма тонким косым почерком было написано «Вирджиния Ривел». Сдержав удивленное восклицание, которое рвалось с ее губ, она снова перевернула письмо и намеренно прочитала его целиком, от начала до конца. С минуту постояла, задумавшись. Характер этого письма не оставлял никаких сомнений в том, что последует дальше.

– Ну, мадам? – сказал человек. – Это ведь ваше имя, не так ли?

– О, да, – ответила Вирджиния. – Имя мое.

«Но не мой почерк», – могла бы добавить она, но не стала, а с ослепительной улыбкой обратилась к своему посетителю.

– А что, если, – сладким голосом предложила она, – мы с вами присядем и поболтаем?

Мужчина был озадачен. Не такого поведения он ждал. Инстинкт подсказывал ему, что она не испытывает перед ним страха.

– Прежде всего, я желала бы знать, как вы меня нашли?

– Это было просто.

Он вынул из кармана страницу, вырванную из иллюстрированной газеты, и протянул ей. Энтони Кейд узнал бы ее незамедлительно.

Вирджиния вернула фото, задумчиво нахмурившись.

– Понимаю, – сказала она. – И в самом деле, просто.

– Конечно, вы понимаете, миссис Ривел, что это письмо не единственное. Есть и другие.

– Бог ты мой, – сказала Вирджиния, – похоже, я была до жути опрометчива.

И опять она заметила, как ее легкомысленный тон озадачил собеседника. Теперь женщина наслаждалась от души.

– Как бы там ни было, – продолжала она, награждая его сладкой улыбкой, – вы очень любезны, что решили вернуть их мне.

Возникла пауза, во время которой он прочищал горло.

– Я бедный человек, миссис Ривел, – сказал он, наконец, со всей значительностью, на какую был способен.

– А значит, вам не составит ни малейшего труда попасть в Царство Божие, – так я, по крайней мере, слышала.

– Я не могу вернуть вам эти письма бесплатно.

– Тут какая-то неувязка. Разве эти письма – не собственность того, кто их написал?

– Таков закон, мадам, но разве в вашей стране нет изречения: «Собственность – половина закона»?

– Закон суров к шантажистам, – напомнила ему Вирджиния.

– Послушайте, миссис Ривел, я ведь не дурак. Я читал эти письма, эти послания влюбленной женщины к своему любовнику, все как одно исполненные страха перед мужем. Может быть, вы хотите, чтобы я показал их ему?

– Вы не учли одну возможность. Эти письма написаны давно. А что, если я с тех пор, скажем, овдовела?

Он уверенно покачал головой.

– В таком случае вы не сидели бы тут со мной и не обсуждали условия.

Вирджиния улыбнулась.

– Какова ваша цена? – спросила она деловым тоном.

– За одну тысячу фунтов я передам вам в руки весь пакет. Заметьте, я прошу совсем немного; мне и самому это дело не по вкусу.

– О тысяче фунтов можете не мечтать, – возразила Вирджиния решительно.

– Мадам, я не торгуюсь. Одна тысяча фунтов, и письма ваши.

Вирджиния поразмыслила.

– Мне нужно время. Я не могу собрать целую тысячу за короткий срок.

– Несколько фунтов аванса – скажем, пятьдесят, – и я зайду в другой раз.

Вирджиния глянула на часы. Было пять минут пятого, и ей показалась, что она слышала звонок.

– Очень хорошо, – сказала она поспешно. – Приходите завтра, попозже, часам к шести.

Она встала, подошла к письменному столу, отомкнула один из ящиков и вытащила из него пригоршню банкнот.

– Вот, тут фунтов сорок. На первый раз вам хватит.

Он жадно вцепился в деньги.

– А теперь, пожалуйста, уходите, – сказала Вирджиния.

Он послушно вышел. Через открытую дверь миссис Ривел увидела спину Джорджа Ломакса, которого Чилверс как раз провожал наверх. Едва входная дверь захлопнулась, она окликнула своего кузена:

– Идите сюда, Джордж. Чилверс, принесите нам, пожалуйста, чаю.

Она распахнула в кабинете оба окна, и Джордж Ломакс, войдя, обнаружил ее стоящей на сквозняке с блуждающими глазами и разлетающимися волосами.

– Я сейчас закрою, Джордж, просто мне захотелось проветрить комнату. Вы не споткнулись в холле о шантажиста?

– Кого?

– Шантажиста, Джордж. Ш-А-Н-Т-А-Ж-И-С-Т-А. Того, кто шантажирует.

– Моя дорогая Вирджиния, не может быть, чтобы вы говорили серьезно!

– И все же это так, Джордж.

– Но кого он мог здесь шантажировать?

– Меня, Джордж.

– Моя дорогая Вирджиния, что вы такое натворили?

– Как ни странно, на этот раз совсем ничего. Этот милый джентльмен с кем-то меня перепутал.

– Надеюсь, вы уже звонили в полицию?

– Нет, не звонила. А вы, конечно, думаете, что я должна была так поступить?

– Ну... – Джордж важно задумался. – Нет, нет, скорее всего, нет. Скорее всего, вы поступили мудро. Вы можете оказаться втянутой в неприятное дело, оно может стать достоянием гласности... Возможно, вам даже пришлось бы давать показания в суде...

– Вот было бы интересно, – отозвалась Вирджиния. – Всегда мечтала, чтобы меня вызвали в суд – посмотреть, правда ли судьи отмачивают гнусные шутки, как пишут в газетах. Было бы просто здорово. На днях я заходила в участок на Вайн-стрит, по поводу бриллиантовой броши, которую потеряла, так там был один инспектор, такой милый, просто прелесть...

Джордж, как у него было заведено, пропустил мимо ушей все, что не имело отношения к делу.

– Но как вы поступили с этим негодяем?

– Знаете, Джордж, боюсь, что я ему позволила.

– Что именно?

– Шантажировать меня.

Гримаса ужаса на лице Джорджа была столь выразительной, что Вирджинии даже пришлось прикусить нижнюю губу.

– Вы хотите сказать – правильно ли я вас понял? – что даже не попытались вывести его из того заблуждения, в котором он пребывает?

Вирджиния покачала головой, искоса наблюдая за собеседником.

– Боже мой, Вирджиния, да вы с ума сошли.

– Так и знала, что вы это скажете.

– Но почему? Бога ради, почему вы это сделали?

– По разным причинам. Начать с того, что он делал это так красиво – я имею в виду, шантажировал, – а я не люблю прерывать работу истинного артиста. И потом, понимаете, меня еще никогда никто не шантажировал...

– Уж надеюсь, что нет.

– Вот мне и захотелось посмотреть, на что это похоже.

– Я вас не понимаю, Вирджиния.

– Я и не надеялась, что вы поймете.

– Надеюсь, вы не дали ему денег?

– Так, самую малость, – извиняющимся тоном ответила она.

– Сколько?

– Сорок фунтов.

– Вирджиния!

– Мой дорогой Джордж, это цена одного вечернего платья, всего лишь! А ведь новый опыт – вещь не менее увлекательная, чем новое платье, а может быть, и более.

Джордж Ломакс покачал головой, но Чилверс, своевременно появившийся с чаем, избавил его от дальнейшей необходимости выражать свое мнение. Лишь когда стол был накрыт и ловкие маленькие руки Вирджинии уже порхали среди массивной серебряной посуды, она снова навела разговор на ту же тему.

– У меня был еще один мотив, Джордж, не столь себялюбивый, как другие. Принято считать, что мы, женщины – стервы, особенно по отношению друг к другу, однако я оказала сегодня одной из нас большую услугу. Теперь этот тип не пойдет искать другую Вирджинию Ривел. Ведь он думает, что его птичка уже попалась. Бедняжка была вне себя от страха, когда писала то письмо. Попадись она нашему шантажисту, он бы ей живо руки выкрутил, причем без малейших усилий. А со мной, хотя он этого пока не понял, он и сам попал в хорошую переделку. Уж я, пользуясь своим преимуществом безгрешной доселе жизни, натешусь с ним вдоволь, а потом доведу до гибели, как пишут в книгах. Коварство, Джордж, вероломное коварство.

Но Ломакс по-прежнему лишь качал головой.

– Мне это не нравится, – настаивал он. – Совсем не нравится.

– Это ничего, милый Джордж, вы ведь пришли сюда говорить не о шантажистах... Кстати, зачем вы пришли? Правильный ответ: «Чтобы увидеть вас!» С ударением на «вас» и страстным пожиманием моей руки – если в ней, конечно, не окажется хорошо намащенного гренка, – в каковом случае заменой пылкому рукопожатию должен служить пламенный взгляд.

– Я действительно пришел, чтобы увидеть вас, – отвечал Джордж серьезно. – И очень рад, что застал вас одну.

– «О, Джордж, это так неожиданно», – отвечает она, проглатывая коринку.

– Я хотел просить вас об одолжении. Я всегда считал вас, Вирджиния, весьма обаятельной женщиной.

– О, Джордж!

– А также умной!

– Нет, правда? До чего же хорошо вы меня знаете.

– Моя дорогая Вирджиния, завтра в Англию прибывает некий молодой человек, с которым я бы хотел попросить вас встретиться.

– Хорошо, Джордж, но давайте договоримся сразу – это ваша вечеринка.

– Я уверен, что вы бы могли – если бы захотели – полностью его очаровать.

Вирджиния слегка склонила голову набок.

– Дорогой Джордж, очаровывать людей для меня не профессия, вы же знаете. Нередко случается так, что я проникаюсь к кому-то симпатией – и тогда этот человек обычно проникается ответной симпатией ко мне. Однако вряд ли у меня получится хладнокровно заманить и очаровать беззащитного незнакомца. Ведь это не принято, Джордж, абсолютно не принято. Существуют, в конце концов, профессиональные сирены, которым такая роль подходит куда больше, чем мне.

– Это совершенно исключено, Вирджиния. Этот молодой человек – он, кстати, канадец, по фамилии Макграт...

– Канадец шотландского происхождения, – блеснула она догадкой.

– ...По всей вероятности, совершенно не знаком с высшим английским обществом. Вот я и хочу дать ему возможность оценить весь шарм и благородство истинной английской леди.

– То есть меня?

– Вот именно.

– Зачем?

– Прошу прощения?..

– Я спрашиваю, зачем? Вы ведь не осчастлививаете всякого канадца, которому случится ступить на английскую землю, обществом истинной английской леди. В чем тут секрет, Джордж? Грубо говоря, какая вам от этого выгода?

– Не вижу, зачем вам это знать, Вирджиния.

– Я не могу целый вечер завлекать незнакомца, не имея представления обо всех «зачем» и «что из этого следует».

– Вы так необычно выражаетесь, Вирджиния. Можно подумать...

– Вот именно, вполне можно подумать. Ладно, Джордж, разгласите немного секретной информации.

– Моя дорогая Вирджиния, некий центральноевропейский народ скоро будет переживать тяжелые времена. Чрезвычайно важно – по причинам, которых я здесь не называю, – чтобы этот... мистер... э-э... Макграт понял, что реставрация монархии в Герцословакии необходима для сохранения мира в Европе.

– Ну, допустим, миру в Европе Герцословакия не угрожает, – спокойно возразила Вирджиния, – но я целиком и полностью за монархию, в особенности в такой живописной стране, как эта. Так значит, у вас в Балканских Скачках есть свой фаворит? И кто же?

Джорджу не очень хотелось отвечать, но никакой возможности обойти этот вопрос стороной у него не было. Беседа с самого начала пошла не так, как он планировал. Ломакс ожидал, что Вирджиния будет послушно смотреть ему в рот, впитывая все его наставления и с восторгом ловя каждое его замечание, причем без лишних вопросов. Но все оказалось совсем иначе. Похоже, она решила вызнать у него всю подноготную этого дела, а именно этого Джордж, не верящий в женскую скрытность, и не хотел допустить. Он совершил ошибку. Вирджиния – не та женщина, которая нужна ему для этой роли. Больше того, она может стать причиной серьезных неприятностей. Один ее рассказ о визите шантажиста чего стоит! Абсолютно ненадежная личность, понятия не имеющая о том, как следует подходить к серьезным делам.

– Принц Михаил Оболович, – буркнул все же он, поскольку Вирджиния явно ждала ответа. – Только, пожалуйста, пусть это останется между нами.

– Полноте, Джордж. Все уже давно есть в газетах, династии Оболовичей посвящают целые хвалебные статьи, а уж убитого Николая Четвертого превозносят так, словно он был наполовину мучеником, наполовину героем, а не обычным мужчиной, потерявшим голову от третьеразрядной актрисы.

Джордж мигнул. Теперь он совершенно уверился в том, что обратился за помощью в столь деликатном деле не по адресу. Надо было быстро играть отбой.

– Вы совершенно правы, моя дорогая Вирджиния, – поспешно сказал он, поднимаясь, чтобы откланяться. – Напрасно я беспокоил вас своим предложением. Однако у нас есть причины желать, чтобы доминионы разделяли нашу точку зрения на герцословацкий кризис, а этот Макграт, как я понял, пользуется известным влиянием в журналистских кругах. Помня о ваших монархических убеждениях и о том, как хорошо вы знаете эту страну, я решил, что было бы неплохо, если бы вы с ним встретились.

– Значит, таков ваш ответ?

– Да, но теперь я вижу, что этот человек вряд ли пришелся бы вам по душе.

Секунду Вирджиния глядела на него внимательно, а потом засмеялась.

– Джордж, – сказала она, – вы плохой лжец.

– Вирджиния!

– Негодный, совершенно негодный! Уж я с вашей подготовкой смогла бы придумать что-нибудь получше – по крайней мере, вы бы мне поверили. Но, мой бедный Джордж, я и сама все разузнаю. Уж в этом будьте уверены. Таинственный мистер Макграт... Не удивлюсь, если найду ответ в эти выходные в Чимниз.

– В Чимниз? Вы едете в Чимниз?

Бедняга Джордж не смог скрыть своего смятения. А он-то надеялся, что ему удастся заранее предупредить лорда Кейтерхэма об отмене приглашения.

– Бандл звонила сегодня утром и пригласила меня к ним.

Джордж предпринял последнюю попытку.

– Там соберется довольно скучная компания, насколько мне известно, – сказал он. – Совсем не то, к чему вы привыкли.

– Мой бедный Джордж, почему вы не доверитесь мне и не расскажете всей правды? Еще не поздно.

Джордж взял ее руку, но тут же выпустил.

– Я говорю правду, – ответил он холодно и ни чуточки не покраснел.

– Уже хорошо, – одобрила его Вирджиния. – Но можно и лучше. Взбодритесь, Джордж, я обязательно приеду в Чимниз и пущу в дело все мое значительное обаяние, как вы выразились. Жизнь стала вдруг такой интересной! Сначала ко мне является шантажист, потом Джордж с дипломатическими затруднениями... Поделится ли он своими секретами с женщиной, которая молит его об этом? Нет, он будет хранить их до последней главы. До свидания, Джордж! А где же ласковый взгляд на прощание?.. Нет?.. О, Джордж, милый, вы разбиваете мне сердце!

Едва тяжелая поступь Джорджа Ломакса стихла за дверью, Вирджиния подбежала к телефону и, вызвав нужный ей номер, попросила к телефону леди Эйлин Брент.

– Это ты, Бандл? Я буду в Чимниз, завтра, обязательно. Что?.. Скучно?.. Ни чуточки. Бандл, табун диких коней не помешает мне приехать! До встречи!

Глава 7

Мистер Макграт отказывается от приглашения

Письма исчезли!

Убедившись в том, что это факт, оставалось только принять его, как данность. Энтони хорошо понимал бессмысленность погони за Джузеппе по коридорам отеля «Блиц». Всякая беготня приведет сейчас лишь к одному: к нежелательной огласке, а вовсе не к поимке вора.

Он пришел к выводу, что Джузеппе перепутал письма, лежавшие в отдельном пакете, с другим свертком, в котором находились мемуары. А значит, поняв свою ошибку, он может повторить попытку добраться до рукописи. Энтони не сомневался, что события сегодняшней ночи были спланированы заранее.

У него тут же возник другой план: не предавая дело огласке, пустить слух о том, что он готов расстаться с известной суммой денег ради возвращения писем. Ведь если Джузеппе – эмиссар Братства Красной Руки или, что более вероятно, партии лоялистов, то письма не могут иметь никакой ценности в глаза тех, кто его послал, а значит, он должен ухватиться за представившуюся возможность поменять письма на деньги.

Придя к такому решению, Энтони вернулся в постель, где мирно проспал до самого утра. Он был уверен в том, что Джузеппе не станет предпринимать вторую попытку за одну ночь.

Когда Кейд проснулся, план предстоящей кампании уже полностью сложился в его голове. Хорошо позавтракав и просмотрев газеты, которые пестрели сообщениями о найденной в Герцословакии нефти, он потребовал встречи с управляющим отеля, и, будучи Энтони Кейдом, а значит, обладая способностью спокойно, но решительно добиваться своего, получил желаемое.

Управляющий – невероятно учтивый и обходительный француз – принял его в своем кабинете.

– Насколько я понимаю, вам было угодно меня видеть, мистер... э-э-э... Макграт?

– Да. Я прибыл в ваш отель вчера во второй половине дня и поужинал в номере, куда мне принес еду официант по имени Джузеппе.

Пауза.

– Полагаю, у нас действительно есть официант с таким именем, – безразлично ответил управляющий.

– Я счел его поведение довольно необычным, но не придавал этому особого значения тогда. Позже, уже ночью, я проснулся от того, что кто-то тихо двигался у меня в номере. Включив свет, я увидел того самого Джузеппе, который рылся в моем чемодане.

Безразличие управляющего как рукой сняло.

– Но я ничего об этом не слышал, – воскликнул он. – Почему вы не сообщили мне сразу?

– Мы с вором сцепились, последовала недолгая борьба – у него, кстати, был нож, – после чего он ускользнул через окно.

– И что же сделали вы, мистер Макграт?

– Осмотрел содержимое своего чемодана.

– Что-нибудь пропало?

– Ничего существенного, – с расстановкой ответил Энтони.

Управляющий со вздохом облегчения откинулся на спинку кресла.

– Я рад это слышать, – отозвался он. – Но, позвольте заметить, мистер Макграт, я не вполне понимаю ваше отношение к данному случаю. Вы не предприняли ни одной попытки оповестить служащих отеля? Задержать вора?

Энтони пожал плечами.

– Ничего ценного у меня не взяли, как я вам говорил. Конечно, я понимаю, что этот случай, строго говоря, должна расследовать полиция...

Он опять сделал паузу, и управляющий, без особого энтузиазма, повторил за ним:

– Да, конечно... полиция...

– Но я решил, что вор все равно уйдет, а раз ничего ценного у меня не взяли, то к чему вмешивать в это дело полицейских?

Управляющий слабо улыбнулся.

– Вижу, вы понимаете, мистер Макграт, что мне вовсе не хочется приглашать в отель полицию. С моей точки зрения, это настоящая катастрофа. Ведь газетчики, стоит им только пронюхать о происшествии в известном отеле вроде нашего, тут же раструбят о нем по всему свету, будь это хоть сущий пустяк.

– Вот именно, – согласился Энтони. – Как я уже говорил, у меня не пропало ничего ценного, и в определенном смысле это так. Вор не взял ничего, что могло бы принести выгоду ему, зато он унес нечто дорогое для меня.

– О!...

– Письма, понимаете?

Выражение сверхчеловеческой проницательности, доступное лишь французу, утвердилось на лице управляющего.

– Понимаю, – прошелестел он. – Прекрасно вас понимаю. Разумеется, это дело не для полиции.

– Я рад, что в этом мы с вами абсолютно солидарны. Однако я полон решимости вернуть эти письма любым путем. В той части света, где мне довелось родиться, люди привыкли самостоятельно решать все свои проблемы. Так что от вас потребуется лишь одно: любая информация об этом официанте, Джузеппе, которой вы располагаете.

– Не возражаю, – отвечал управляющий после минутного раздумья. – Разумеется, я не могу предоставить вам желаемое прямо сейчас, но если вы зайдете ко мне

через полчаса, я подготовлю все, что вам требуется.

– Большое спасибо. Меня это устроит.

Через тридцать минут Энтони вернулся в кабинет управляющего и обнаружил, что тот сдержал слово. Его уже ждал листок бумаги, на котором было записано все, что знали о Джузеппе Манелли в этом отеле.

– Он пришел к нам... э-э-э... месяца три тому назад. Хорошо знал дело, имел опыт работы, прекрасные рекомендации. Пять лет в Англии.

Вместе они проглядели список отелей и ресторанов, где прежде служил итальянец. Одно обстоятельство привлекло внимание Энтони. В двух из этих отелей произошли серьезные ограбления, причем именно тогда, когда там служил Джузеппе. Никакие подозрения к нему не пристали, но все же это совпадение могло оказаться не случайным.

Кто он, этот Джузеппе – ловкий отельный вор или нечто большее? Искал он в чемодане Энтони что-то определенное или же шарил наобум? Вполне возможно, что когда Энтони включил свет, тот как раз держал пакет с письмами в руке и сунул его в карман машинально, просто чтобы освободить руки. В таком случае речь идет об обычном мелком воровстве, вроде магазинной кражи.

Но в эту гипотезу не укладывалось явное возбуждение официанта накануне вечером, когда тот заметил лежащие на столе бумаги. А ведь подле них не было ни денег, ни чего-либо ценного, способного возбудить алчность обыкновенного вора...

Нет, Энтони был почти уверен в том, что Джузеппе к нему подослали. Может быть, пользуясь информацией, полученной от управляющего, ему удастся узнать что-нибудь о частной жизни официанта и выследить его вне отеля? Взяв листок, он поднялся, чтобы идти.

– Очень вам признателен. Полагаю, излишне спрашивать, здесь ли еще Джузеппе?

Управляющий улыбнулся.

– Его постель не смята, все вещи на своих местах. Должно быть, он сбежал сразу после столкновения с вами. Не думаю, что мы когда-нибудь увидим его снова.

– Вероятно, вы правы. Что ж, позвольте мне поблагодарить вас еще раз. Я же, со своей стороны, пока продлю свое пребывание в вашем отеле.

– Желаю вам успеха в достижении вашей цели, хотя мне, позвольте признаться, это кажется весьма сомнительным.

– Я всегда надеюсь на лучшее.

Первое, что предпринял Энтони, поговорил с другими официантами отеля, с которыми был дружен Джузеппе, однако ничего не узнал. Тогда он, как и планировал, написал объявление о пропаже писем и разослал его в пять самых читаемых газет. Дальше в его намерения входило посетить ресторан, где прежде работал Джузеппе, но, когда он уже собирался выйти из номера, зазвонил телефон. Энтони снял трубку.

– Алло, в чем дело?

Невыразительный голос спросил:

– Это мистер Макграт?

– Да. А вы кто?

– Издательство «Бальдерсон и Ходжкинс». Одну минуту, я соединю вас с мистером Бальдерсоном.

«Наши достойные издатели, – подумал Энтони. – Заерзали, значит? Ну и зря. У меня есть еще неделя».

Веселый басок загудел ему прямо в ухо:

– Алло! Мистер Макграт?

– Слушаю.

– Я мистер Бальдерсон из издательства «Бальдерсон и Ходжкинс». Как там наша рукопись, мистер Макграт?

– А что с ней могло случиться? – поинтересовался Энтони.

– Да все, что угодно. Как я понимаю, мистер Макграт, вы только что из Южной Африки... Вот почему вы пока не в курсе ситуации. Эта рукопись еще наделает дел, мистер Макграт, и каких дел! Иногда я даже жалею, что мы с ней связались.

– Вот как?

– Уверяю вас, я не шучу. Однако в данный момент мне хотелось бы получить ее в свое распоряжение как можно скорее, чтобы успеть сделать несколько копий. Тогда, даже если оригинал будет уничтожен – что ж, ничего страшного!

– Бог ты мой, – отозвался Энтони.

– Наверное, вам это кажется абсурдом, мистер Макграт, но, уверяю вас, вы просто недооцениваете ситуацию. Самые решительные попытки воспрепятствовать тому, чтобы рукопись оказалась у нас, предпринимались и предпринимаются неустанно. Скажу вам со всей откровенностью и без дураков: если вы рискнете принести ее сюда сами, десять против одного, что вы до нас попросту не доберетесь.

– Сомневаюсь, – сказал Энтони. – Обычно, если я хочу куда-то попасть, я туда попадаю.

– Вам противостоят очень опасные люди. Месяц назад я бы просто не поверил, что такое возможно. Говорю вам, мистер Макграт, в последнее время угрозы, попытки подкупа и шантажа сыплются на нас со всех сторон, так что мы уже и сами не знаем, на каком мы свете. Поэтому послушайте моего совета, не пытайтесь принести эту рукопись нам самостоятельно. Наш человек зайдет к вам в отель и возьмет ее у вас.

– А что, если преступники и до него доберутся? – спросил Энтони.

– В таком случае отвечать будем уже мы, а не вы. Вы ведь передадите рукопись нашему представителю, в чем получите письменное свидетельство. Чек на... э-э-э... тысячу фунтов стерлингов, который нам поручено вам вручить, будет доступен лишь к следующей среде, таковы условия завещания покойного... э-э-э... автора – вы знаете, о ком я; но, если вы настаиваете, я пошлю вам собственный чек с тем же посыльным.

Минуту-другую Энтони колебался. Вообще-то он собирался держать мемуары у себя до последнего, так ему хотелось самому посмотреть, из-за чего вокруг них такая суеда. Однако аргументы издателя показались ему не лишенными оснований.

– Ладно, – сказал он, наконец, со вздохом. – Будь по-вашему. Присылайте своего человека. И, если вас не затруднит, пришлите с ним заодно и чек, так как я, возможно, покину Англию еще до следующей среды.

– Разумеется, мистер Макграт. Наш представитель будет у вас завтра утром. Лучше всего будет не посылать к вам никого прямо из офиса. Наш мистер Холмс живет в Южном Лондоне. Завтра, по пути на работу, он заедет к вам, заберет пакет и вручит вам расписку. Предлагаю вам положить фальшивый пакет в сейф управляющего сегодня вечером. Ваши недруги прослышат об этом, и тогда сегодняшнюю ночь вы сможете спать спокойно.

– Очень хорошо, так я и поступлю.

Энтони задумчиво опустил трубку. После чего покинул отель и принялся приводить в исполнение свой план поиска Джузеппе. Но тот оказался воистину неуловимым. Да, он работал в ресторане, куда наведлся Энтони, однако никто там не знал, куда он направился потом и где его можно найти.

– Ничего, парень, я тебя еще достану, – сквозь зубы процедил Энтони. – Ты будешь моим. Это только вопрос времени.

Его вторая ночь в Лондоне прошла абсолютно спокойно.

В девять часов утра ему в номер принесли визитную карточку мистера Холмса, представителя издательского дома «Бальдерсон и Ходжкинс», а следом за ней пожаловал и сам мистер Холмс. Это был невысокий светловолосый человек со сдержанными манерами. Энтони передал ему рукопись, получив взамен чек на тысячу фунтов. Мистер Холмс положил мемуары в бывший при нем небольшой коричневый портфель, пожелал Энтони доброго утра и вышел. Все прошло как нельзя более гладко.

– Может, его еще убьют по дороге в офис, – вслух сказал Энтони, стоя у окна и глядя на улицу. – Интересно – да, очень интересно.

Он положил чек в конверт, черкнул пару строк на листке бумаги, вложил его туда же и заклеил конверт. Джимми, который был, можно сказать, при деньгах в момент их встречи в Булавайо, ссудил Энтони солидной суммой, до сих пор практически нетронутой.

– Если с одним делом покончено, то другое еще даже не начиналось, – сказал себе Энтони. – Точнее говоря, я запарол его с самого начала. Но не стоит отчаиваться. Думаю, надо подготовиться и самому пойти на Понт-стрит, четыреста восемьдесят семь, чтобы сориентироваться на местности.

Он собрал вещи, спустился, оплатил счет и приказал перенести свой багаж в такси. Щедро вознаградив всех, кто оказался у него на пути – большинство из этих людей ничего не сделали для того, чтобы его пребывание в этом отеле стало комфортным, – Кейд уже готов был сесть в такси и уехать, как вдруг на ступеньках лестницы показался мальчик с письмом в руке, который бежал к нему.

– Только что принесли вам, сию минуту, сэр.

Глубоко вздохнув, Энтони извлек еще шиллинг. Такси с тяжким стоном и жутким скрежетом сорвалось с места и понеслось, подпрыгивая, по мостовой, а Кейд раскрыл письмо.

Оно оказалось прелюбопытным документом. Энтони пришлось прочесть его четыре раза, прежде чем он понял, в чем там суть. Говоря простым языком (которого в этом документе как раз не было – его заменял тяжеловесный жаргон правительственных циркуляров), некоего мистера Макграта, прибывающего

из Южной Африки в Англию сегодня, в четверг, просили ничего не предпринимать в связи с мемуарами графа Стилптика – которые, впрочем, нигде не были названы напрямую, а обозначались разными намеками, – до встречи и конфиденциальной беседы с мистером Джорджем Ломаксом и другими влиятельными персонами, чье величие сквозило даже между строчками письма. Также мистера Макграта приглашали приехать в Чимниз, загородное поместье лорда Кейтерхэма, по личному приглашению последнего, завтра, то есть в пятницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Сесиль Джон Родс (1853–1902) – английский и южноафриканский политический деятель, бизнесмен, строитель собственной всемирной империи, инициатор английской колониальной экспансии в Южной Африке.

2

«Кохинур» – алмаз и бриллиант в 105 карат, часть сокровищницы британской короны, один из наиболее знаменитых алмазов в истории.

3

Коллекция (собрание) Уоллеса – исключительный по подбору и качеству предметов частный художественный музей в лондонском квартале Марилебон; представляет собой одно из лучших в мире собраний французского искусства XVIII века (картины, фарфор, антиквариат).

4

Даго – презрительная кличка итальянца, испанца, португальца.

5

Лоллипоп (англ. lollipop) – леденец на палочке.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/agata-kristi/tayna-zamka-chimniz>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)